

Апрель  
**ГЕСС**

СОВЕРШЕННАЯ  
ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА

Запретная для  
**СЕВЕРА**

# Ария Гесс

## Запретная для Севера

<https://litres.ru/74203877>

### Аннотация

— Ты. Теперь. Моя. — зло чеканит он по словам, а у меня озноб по всему телу прокатывается. Отхожу назад, мнимо полагая, что смогу от него сбежать. — Нет! — То, что ты сделала, не прощают. — Я должна была... Голос дрожит, а руки стискивают подол испачканного в крови свадебного платья. — Раздевайся. — Громыхает надо мной, заставляя вздрогнуть и машинально потянуться к веревке на своем корсете. Таким, как он, не отказывают. Таким, как он, не перечат. Таких, как он, не злят. А я разозлила. \_\_\_\_\_ Я должна была выйти замуж лишь с одной целью. Отомстить. Мой будущий муж — сущий дьявол, и он обязан ответить за то, что совершил. Но я не думала, что день моей свадьбы обернется для всех трауром. А моя жизнь окажется в руках одного из сыновей влиятельной криминальной семьи. Все книги можно читать отдельно! Внимание! В книге присутствует нецензурная брань и жестокие сцены. Книга про Огнеяра - Я научу тебя чувствовать, монстр! - Друг Севера. Книга про Радмира - Дерзкая для бандита - Севера. Книга про Влада - Бывшие. Девочка бандита -

# Содержание

|         |    |
|---------|----|
| Пролог  | 5  |
| 1       | 9  |
| 2       | 11 |
| 3       | 13 |
| 4       | 15 |
| 5       | 17 |
| 6       | 19 |
| 7       | 21 |
| Визуалы | 23 |
| 8       | 24 |
| 9       | 28 |
| 10      | 32 |
| 11      | 36 |
| 12      | 42 |
| 13      | 46 |
| 14      | 50 |
| 15      | 55 |
| 16      | 59 |
| 17      | 63 |
| 18      | 69 |
| 19      | 74 |
| 20      | 81 |
| 21      | 85 |

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| 22                                | 91  |
| 23                                | 98  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 102 |

# Пролог

Липкие капли крови стекают по моим рукам, и я судорожно пытаюсь от них оттереться.

Не выходит.

Они словно въедаются под кожу, а в голове воспроизводится картинка того, что сейчас произошло.

Перевожу взгляд на своего отца и понимаю, что теперь все будет иначе.

— Заберите ее и отвезите к мужу! — отдает не приказ... он подписывает мне смертный приговор.

— Нет, отец! Пожалуйста, только не он! — кричу, вырываясь из железной хватки его охранников.

Смешная. Разве я могу тягаться с горой, будучи маленькой мошкой. Серой, бледной, не имеющей ни на что прав.

Меня в два счета скручивают и довольно грубо запихивают в авто. Машина трогается, и меня простреливает осознанием происходящего.

Сердце колотится как бешеное. Ладони потеют от пугающей неизвестности, смешиваясь с кровью и раздражая рецепторы. Хочется заплакать, но я не доставлю ему такого удовольствия.

Страх железными оковами стискивает горло и давит, перекрывая доступ к кислороду.

Открываю рот, чтобы вдохнуть, но нарастающая паника не позволяет.

Когда автомобиль на мгновение останавливается, а потом проезжает через огромные массивные ворота, я забываю, что дышать вообще нужно.

Мне страшно его увидеть. Мне дико находиться с ним рядом.

Двери открываются, и меня вытягивают наружу. Ледяной воздух приятно холодит кожу, остужая моё разгоряченное тело.

Я делаю маленькие прерывистые шаги по мраморной плитке, которой облицована территория при входе.

— Босс сказал провести ее на второй этаж, в спальню, — слышу краем уха и машинально кидаюсь назад, но ловкие массивные руки перехватывают меня за талию и тянут к лестнице.

— Пусти! Урод! — бью охранника по спине, но это равносильно легкому дуновению ветерка около столетнего дуба. Нанести весомый урон просто невозможно. Лишь себя калечу: ладони горят, а ноги ломит от необдуманных ударов.

Открыв дверь в нужную комнату, охранник ставит меня на паркет, а сам выходит.

Кидаюсь к двери, но она предсказуемо заперта.

— Проклятье! — дергаю платье, припрыгнув от истерики на месте.

Руками сжимаю голову, чтобы унять ноющую боль, но она

не проходит. В голове рой болезненных воспоминаний сегодняшнего дня и страх перед встречей с мужем.

— Господи! — складываю ладони на груди в молитвенном жесте. — Помоги мне, умоляю тебя!

Не успеваю закончить. Вздрагиваю и моментально отскакиваю с середины комнаты к углу, когда дверь отворяется, запуская с собой морозный воздух.

Он делает шаг, и я снова забываю, как дышать. В глазах темнеет от страха, и я до боли сжимаю пальцы, вонзаясь ногтями в кожу.

Его аура пугает до чертиков. Он настолько огромен, что я боюсь даже взглянуть в его сторону. Мне хочется сжаться комочком, закрыть глаза, голову и уши, чтобы только не привлекать его внимание.

— Почему ты все ещё в этом тряпье? — вроде бы спокойно, но со сталью в голосе, что заставляет содрогнуться, произносит он.

Сильнее сжимаю кулаки и рискую взглянуть в его глаза. Пугаюсь их глубокого голубого цвета. Он не такой, как у меня. Мой похож на цвет летнего неба, а его... на океан во время шторма. Взгляд строгий, жестокий.

Его белые волосы спадают на лицо, словно он намочил их, но даже этот факт не делает его менее суровым. Сгусток отрицательной и пугающей энергии норовит вот-вот меня разорвать. А я, не видя другого выхода, собственноручно приближаю это событие.

— Можно, — выходит не так уверенно, как хотелось бы, и голос, дрожащий предательски подводит, — я домой поеду? Пожалуйста.

Он вскидывает удивленно бровь. И, скинув пиджак на кресло, направляется ко мне.

— С чего я должен тебя отпускать? Ты. Теперь. Моя, — зло чеканит он каждое слово, а у меня озноб по всему телу прокатывается.

Отхожу назад, мнимо полагая, что смогу от него сбежать.

— Нет!

— То, что ты сделала, не прощают.

— Я должна была... — голос дрожит, а руки стискивают подол испачканного в крови свадебного платья.

— Раздевайся, — громыхает надо мной, заставляя вздрогнуть.

Его взгляд меняется, заставляя повиноваться и машинально потянуться к веревке на своем корсете.

Таким, как он, не отказывают. Таким, как он, не перечат. Таких, как он, не злят.

А я разозлила.

# 1

## Глава 1

### За 17 лет до основных событий Север

— Ты вырос, сын, и сегодня стал совершеннолетним. Пора задуматься о твоей женитьбе, лет через десять твоя невеста как раз подрастет, — произносит отец, мгновенно выводя меня из себя. Еле сдерживаюсь, стараясь не быть неуважительным к нему, но от его слов во мне зреет протест.

— Отец, — встаю из-за стола, подходя ближе, — если я когда-нибудь решу жениться, то выберу ту, которую полюблю. Это будет мой выбор. Я уже не раз говорил тебе.

Отец лишь смеётся и, встав, хлопает меня по плечу.

— Ты молод, горяч и импульсивен. Твои суждения слишком категоричны и даже немного наивны. Когда подрастаешь, ты поймешь, что я выбрал тебе лучшую девушку в женихи.

— Она ещё ребёнок, — все ещё стараюсь держать себя в руках. — Ей всего восемь.

— Но она вырастет...

Внутренняя броня трещит по швам. Я не допущу этих кандалов на своих руках. Меня триггерит от одной лишь

мысли о женитьбе. Тем более на *ней*. Мелкая очкастая мышка. Мои люди только одно фото смогли найти. Ее родители берегут ее как зеницу ока.

— Если ты не отменишь этот договорной брак, то будь уверен, что завтра на церемонии я откажусь от звания твоего наследника, — иду ва-банк, потому что знаю, что жить нормально не смогу, ощущая, что эта договоренность душит меня.

Я всегда стремился к власти, как и мой отец. Равнялся на него, хотел быть таким же справедливым и уважаемым, выполнял все его приказы, но этот...

Лучше сдохнуть, чем на ней жениться. И отец знает, что если я сказал, то именно так и сделаю.

— Пусть выходит за Германа, если тебе так нужны родственные связи с ее семьей. Я даже готов уступить ему место первого наследника.

Отец смотрит на меня разочарованно. Конечно, ведь я раскидываюсь наследием, которое он годами кропотливо зарабатывал. Он знает, что Герман никогда не откажется от такого шанса. Да и это всегда было его желанием.

Гнев заполняет некогда спокойное и холодное лицо отца, а потом он, пробасив, зовет моего брата.

Смотря мне прямо в глаза, отец оглашает свой приговор. Он думает, что наказывает меня этим, но я испытываю лишь облегчение, когда слышу:

— Ты женишься на Серафиме вместо своего брата и станешь моим прямым наследником, Герман.

Смотрю на брата, тут же меняющегося в лице. Ему всего двенадцать, что он может понимать в наследстве и влиянии отца? Однако он гордо улыбается и благодарит его. Крутая выдержка, чего обо мне не сказать.

Я радуюсь за него, за себя, за Серафиму, которая избавится от участи быть нелюбимой женой.

— Ты пожалеешь об этом, — говорит отец, переводя на меня взгляд. — Но будет поздно.

Меня это только смешит, но я держусь. Радость в душе растекается по венам, заставляя мышцы дрожать от предвкушения.

Я свободен. От нее.

Жаль лишь одно... Что отец все-таки был прав.

## Глава 2

## За 7 лет до основных событий

Сима

— Это платье тебе очень идёт, милая! — говорит мама, проводя пальцами вдоль позвоночника по мягкому бордовому велюру.

Оборачиваюсь и смотрю в ее глаза. Она плачет.

— Мам, пожалуйста! — касаюсь ее красивого лица, и она закрывает глаза.

— Я не хотела этого...

Ее голос становится звонче, а слёзы все увеличиваются.

— Ты не можешь этого изменить. Все равно все решено. Все смирились со своей судьбой. И я уж точно, — успокаиваю ее, в то время как себя успокоить не в силах уже многие годы.

— Сегодня тебя официально представят перед женихом и его семьей. Ты точно готова к этому? Теперь у вас будут... свидания, — мама отворачивается, не выдерживая моего смиренного взгляда. Она все эти годы билась за моё право самой выбирать себе спутника жизни, но отец непрекло-

нен.

Даже доводы мамы о том, что они поженились, потому что полюбили друг друга, его не переубедили. Власть меняет человека. И чтобы укрепить ее, он готов пожертвовать собственным ребёнком.

Завидую старшему наследнику Крестовских. Он смог отказаться от меня, но это не означало отказ от этого брака. Меня, как породистую кобылку, преспокойно отдали его младшему брату. И, видимо, чтобы тот не возникал, сделали главным наследником.

Я уже ненавижу эту семью, так как же мне сейчас знакомиться с ними и улыбаться им?!

Все эти годы они специально не знакомили нас, ведь я была несовершеннолетней. Боялись, что мы взбунтуемся. Дали нам время привыкнуть. Но какой тут может быть бунт и как можно к этому привыкнуть?

— Ты готова? — в комнату забегают Свята, моя сестра, сияя радостью и чуть ли не подпрыгивая от нетерпения.

Мама выходит из комнаты, напоследок обняв меня. Перевожу взгляд на сестру и приподнимаю брови в вопросительном жесте.

Свята так взволнована, что это правда меня интригует. Оглядываю ее и не могу понять, почему нас всю жизнь одевают в одинаковые вещи... На ней было такого же цвета платье, но, в отличие от моего, на ее платье спина была открыта.

Конечно, ведь у неё нет жениха, с родителями которого ее должны познакомить. К чему скромность?!

Святослава моя близняшка. Конечно, она радуется, ведь для неё этот день — праздник. Нам исполняется восемнадцать лет. Чем не новость для задорного настроения? Если только это не начало твоего персонального ада, как у меня. Но ее радость уж больно пестрящая. Это вызывает вопросы.

— Я никогда не буду готова, но разве это что-то изменит?  
— оборачиваюсь и смотрю в её красивые голубые глаза.

Почти как мои... Но ее глаза красит счастье на лице. Мои же лишены этого до конца моих дней. Мы чем-то похожи со Святой, но отец всегда говорил, что я милее. Именно поэтому выхожу замуж за Германа Крестовского я, а не она...

— Ты чего такая излишне радостная? Прямо бесит, — толкаю ее в плечо, улыбаясь, и она начинает смеяться ещё громче.

— Ты не представляешь, какого парня я сейчас видела в фойе, когда здоровалась с гостями. Ещё не знаю, кто он, но я быстро спохватилась и сунула ему записку на салфетке о встрече, — хохочет она, подпрыгивая и визжа от нетерпения.

— Писала хоть чем?

— Как чем? Карандашом для губ.

— Господи, да что ж ты вечно вляпываешься в неприятности. А если папа узнает?

— Ну и отлично! Может, тогда хотя бы меня не станут выдавать не пойми за кого, — фырчит она, и я тут же сникаю. — Прости...

— Ничего. Ты права. И я слишком бесхребетна, чтобы это изменить. Пошли, — тяну ее к выходу, пока она обвивает мою талию своими руками и крепко прижимается.

— Сима, ты бы его видела! Я даже не знаю, как словами описать. Он был... ну, огромный! Не как эти обычные высокие парни, а настоящий гигант, который выглядит так, будто мог бы одной рукой передвинуть машину. Лицо словно нарисовано. А мышцы... Они так выпирали, что рубашка почти трещала по швам. И глаза...

— Что, тоже огромные? — недовольничаю, закатывая глаза.

— Нет, — восторженно продолжает сестра. — Они ярко-голубые, почти как лед, но в то же время такие глубокие.

— Как и у нас. Удивила...

— У нас светлые, а у него... не описать просто. Тебе надо его увидеть, — тянет меня по коридору Свята, и я путаюсь в платье.

— Да стой же ты!

— А волосы у него! Такие светлые, почти белые...

— Ну всё! — улыбаюсь, шутя отталкивая ее. — Я поняла, что он писанный красавчик с телом гориллы или орангутанга. Удачи тебе с твоим млекопитающим, а я пошла знакомиться со своим. Фух! — проговорив на одном дыхании, тяжело выдыхаю. Кажется, я нервничаю.

— Все будет хорошо, — берет меня за ладони Свята. Она снимает, и я понимаю, что это из-за волнения обо мне.

— Я знаю. Но все равно нервничаю. Сможешь прикрыть меня ещё на несколько минут? Хочу смыть эту бордовую помаду, на которой настоял папа.

— Мм... ну ладно, — мнется она, поглядывая по сторонам.

— Что такое? Ты куда-то хотела пойти?

— Я же хотела встретиться с этим парнем до того, как все начнется... Но ты не переживай, из-за пяти минут ничего не случится. Беги давай в свой туалет! — целует меня в щеку и толкает в сторону уборной.

Улыбаюсь, снова запутываясь в этом ужасном шлейфе от платья. Иду по коридору, смотря под ноги, чтобы ненароком не свалиться. Волосы от челки свисают, закрывая обзор. Когда замечаю впереди дверь в уборную, выдыхаю. Ещё немного.

Снова опустив голову, дохожу до неё на своих десятисантиметровых шпильках, но тут же застываю, когда дверь открывается, и огромная массивная рука хватается меня за запястье и затягивает в темное помещение.

Не успеваю испугаться и вообще понять, что происходит. Большая ладонь накрывает мой рот, перекрывая доступ к кислороду. Я вырываюсь, но крепкое накаченное тело нагло и бесстыже прижимает меня к стене. Его рука гладит мою талию, а я даже крикнуть о своем протесте не могу!

Подняв руки, я пытаюсь нащупать своего насильника и натыкаюсь на широкую шею, накаченные плечи... поднимаюсь выше и кладу руку на его щеку. Она немного колется.

— Маленькая девочка искала неприятностей? — шепчет мне на ухо мужчина. У него приятный низкий голос, и это пугает ещё больше.

Мычу, брыкаясь под его натиском, но все без толку, лишь себе хуже делаю, когда ощущаю животом его огромное выпирающее достоинство, явно нацеленное на меня.

Мужчина свободной рукой поднимает подол моего длинного платья, задевая пальцами кожу. Меня словно кипятком окатывает. В груди жжет, мне страшно, и в то же время его приятный запах и этот до отвратительности красивый голос заставляют мое сердце дребезжать от полученного адреналина.

— Я сейчас отпущу руку, чтобы ты успокоилась и тоже поиграла. Заорешь — пожалеешь.

Он смотрит мне в глаза, и, немного привыкнув к темноте,

я могу разглядеть его лицо.

Он очень красив. Но в то же время пугающе огромен.

В голове вспыхивают совершенно точные описания Святославы, и я понимаю, что это именно он.

Я попала в руки парня, с которым тайно хотела встретиться моя сестра! Господи, кажется, он меня сейчас изнасилует!

# Визуалы

Север

Серафима

Святослава

Герман

Киваю, делая вид, что на самом деле ему подчинилась. Он довольно скалится, обнажая ряд белых зубов и один из заостренных клыков. Красиво... и пугающе. Не могу понять свою реакцию на его близость. В голове проносятся тонны мыслей, но, когда он все же убирает свою руку и устраивает ее на моей груди, я больше не молчу.

Открыв рот, начинаю кричать во все горло, но получается издать лишь один визг, перед тем как он дергает меня за шею, заставляя откинуть голову назад, и затыкает меня своими губами.

По ним словно ток проходит. Высоковольтный. Такой, от которого напрочь вышибает не только страхи, но и вообще любые мысли.

Мужчина поднимает меня левой рукой за талию, словно пушинку, не отрывая поцелуя, а второй задирает моё платье.

Его губы требовательно сминают мои, но я не раскрываю рта, не впускаю его наглый язык, от мыслей о котором у меня подкашиваются ноги. Да что происходит такое? Что с моим телом? Почему прикосновения этого незнакомца, которые должны восклицательным знаком пульсировать у меня в голове, сейчас вызывают такие приятные ощущения?

Он разворачивает меня и усаживает на столешницу, становясь между моих ног. Платье бесстыдно задрано по пояс,

мои руки перехвачены сзади его одной ладонью, тогда как вторая ползёт по бедру в...

О боже!

— Мм, — отворачиваю голову, чтобы заставить его убрать руку от моего бедра.

Так и происходит. Он хватает ею меня за подбородок, сильно нажимает на скулы и проникает глубоко языком. В животе тут же стреляет. Я пытаюсь прекратить это, сказать ему, что произошла ошибка, но его голодный поцелуй не смягчается. Наоборот. Дышать не позволяет.

Ещё чуть-чуть, и, кажется, я потеряю сознание.

Понимаю, что теперь, чтобы сказать ему хоть слово, мне, наоборот, нужно, чтобы он вернул свою руку мне на бедро, отпустив моё лицо.

То, что приходит на ум, страшно неприлично, но то, чем мы тут занимаемся, пожалуй, ещё хуже. Как и то, чем все может закончиться.

Ерзая задницей по столешнице, придвигаюсь ближе к его огромному торсу и делаю пару вращательных движений у его паха. Ощущение его крепкой дубины у меня между ног не просто пугает.

Я в конкретном ужасе! Ноги дрожат то ли от пережитого удовольствия, то ли от страха, что он делает с женщинами этим прибором.

Но, что бы там ни было, мой план работает. Мужчина с рыком отпускает мои руки и скулы, накрывая ими грудь и...

между ног.

Тут же сжимаю ноги и отворачиваю голову, но не кричу, чтобы снова не попасть в эту адскую ловушку его губ.

— Это ошибка. Пожалуйста, — хриплю вполголоса, но мужчина не останавливается. Он целует мою шею, задевая миллион нервных окончаний, которые мечтают о продолжении, тогда как мозг кричит о том, что пора прекращать, пока не поздно!

— У меня... есть жених. Прекратите, — в голосе прорываются нотки истерики, и мужчина останавливается.

Поворачиваю к нему голову и вижу темноту в расфокусированном взгляде.

— Если бы ты думала о женихе, то не отправляла бы мне записку. Хватит строить невинность, меня это не возбуждает.

Я бы, конечно, поспорила, судя по тому, что творится между его ног. Но явно не сейчас.

— Произошла ошибка, — повторяю я, но он лишь усмехается, а потом снова дергает меня на себя.

Вонзаясь языком мне в горло, он словно клеймит, выбивает из легких все, что противится его прикосновениям. Глубоко в сознании кричит внутренний голос о том, что мой фиктивный муж не достоин ни моего первого поцелуя, ни моего первого раза. Я расслабляюсь и отвечаю ему.

Обняв за широкую массивную шею, притягиваюсь ближе. Он обнимает меня, трогает спину, волосы, целует шею.

— Блядь, какая ты ахуенная, — хрипит мне в шею, прежде чем оттянуть лямку платья и укусить, а потом поцеловать место укуса.

Это словно отрезвляет. Я дергаюсь, а потом вижу на этом месте фиолетовое пятно.

— Не-ет, — мычу, отползая назад, но он тянет меня на себя.

Меня словно ледяной водой обливают, и я вижу наконец, что творю!

Господи, а если об этом узнают? Что скажет мой отец? Семья моего жениха? Меня же опозорят! Убьют! Я просто идиотка!

— Пустите! У меня жених! Я...

Мужчина дергает меня на себя, раздвигает мои ноги и рывком лишает меня трусиков.

Я взвизгиваю, но он закрывает мне рот. Слезы градом спускаются на моё лицо, когда я ощущаю его пальцы между своих бедер.

Ещё чуть-чуть, и они коснутся меня *там*.

— Ты плачешь? — резко отрывается от меня и хватается за подбородок.

— Пожалуйста, отпустите. Меня убьют, если узнают об этом.

— Тогда какого хуя ты сама напросилась на эту встречу? — гневно рычит мне почти в губы, а потом отталкивается и отворачивается. — Блядь... — держится за голову, стоя возле двери и оглядывая меня странным темным взглядом, — ещё раз вытворишь подобное, я выебу тебя так, чтобы искры из глаз летели, и ты навсегда запомнила, что дразнить мужчин плохая идея, — зло бросает он, а потом отмыкает дверь, дергает за ручку так, будто вырвать готов, и просто выходит.

Утыкаюсь лицом в свои ладони, окончательно разревевшись.

Спрыгиваю со столешницы, поправляя платье, и выбрасываю в урну кусочек порванной ткани, что еще недавно был трусиками, без которых я себя полностью обнаженной чувствую.

Смотрю на себя в зеркало и ещё больше плакать начинаю: растрепанные волосы, опухшие глаза, потекшая тушь и красное лицо... а ещё... ни на сантиметр не стертая на губах бордовая помада.

Черт бы ее побрал!

Минут десять уходит на то, чтобы привести себя в порядок. Глубоко вдыхаю, не в силах собраться и наконец выйти из этого наполненного пороком места.

Кажется, если я выйду, то все узнают, чем я тут занималась с незнакомцем. Ужасное ощущение грязи на теле. И не смыть ее, не оттереть!

Решившись наконец, я открываю дверь, но сразу же натыкаюсь на Святу.

— Ты...

— Ты чего так долго? — дергает меня за руку и тянет на себя. — Я из-за тебя встречу с этим парнем пропустила! Как раз видела, как он выходил отсюда, — обиженно ноет она, а потом меняется в лице. — Ты что, плакала там?

Вспоминаю, на что похоже моё лицо, и киваю. Пусть думает, что я так расстроена из-за свадьбы, с мыслью о которой на самом деле я уже много лет как смирилась.

— Меня искали? — перевожу тему, и Свята поддерживает мое нежелание это обсуждать.

— Мама как раз отправила за тобой.

— Они уже в зале?

— Да, все ждут только тебя. Родители сказали, что ты волнуешься сильно, но, увидев твое лицо, думаю, все и так всё поймут.

— Да пофиг вообще, — подтягиваю свое длинное платье, снова уставившись в пол.

Сейчас мне нужно собраться, вытянуть спину, шею и го-

лову и с привитой мне с детства грацией войти в зал, где будет объявлено начало моего конца.

Каждый шаг приближает меня к тому, от чего я так старательно хотела бы убежать. Не смогу. Догонят и наденут золотой ошейник. И что с того, что мой будет не на горле? Суть не изменится. Я навсегда останусь лишь разменной монетой, средством для скрепления родственного союза между двумя могущественными семьями. Не личность, просто средство. Буду сидеть дома, как и все эти годы, боясь за свою жизнь и репутацию.

Кажется, что моя жизнь настолько скучна, что то, что произошло в ней сегодня, я запомню как яркое пятно, разбавляющее серое безликое полотно.

Свята что-то рассказывает, но её голос звучит фоном, я почти не слышу слов. Всё, о чём я думаю — это о жаре его рук на моей талии, о том, как его губы прикасались к моим, и как они до сих пор горят из-за этого. Я хочу выкинуть все из головы, но не выходит!

Как только мы подходим ближе, и двери зала открываются, я замечаю переливающийся свет люстр, шум множества голосов — смех, разговоры, музыка. Воздух словно становится гуще, насыщенный чем-то стальным. Мне тяжело дышать.

Мама сразу замечает нас. Её взгляд оценивающе скользит по мне — в её глазах невысказанные вопросы. «Товар», который ее просили тщательно подготовить, испорчен опух-

шими глазами и смытым макияжем.

Отец стоит чуть дальше, разговаривает с каким-то мужчиной. Смею предположить, что это отец моего будущего жениха, потому что их энергетика очень похожа. Они оба выглядят идеально: с одинаково лишенными эмоций лицами, с одинаковой аурой власти и чопорности, но я-то знаю, что за этими фасадами кроется вечная конкуренция. Сейчас они пытаются совершить сделку, но по факту весь этот сбор лишь для того, чтобы показать, насколько хороши их наследники.

Что ж, папа, сегодня я стану твоим разочарованием.

Я уже вижу его сжатые в тонкую линию недовольства губы при взгляде на меня.

А потом ловлю ещё один взгляд... Мужчины...

Он стоит в тёмно-синем костюме и буквально прожигает меня своими наглыми глазами. Его безупречно зачёсанные белоснежные волосы, смокинг и даже идеальные с точки зрения пропорций черты лица не могут скрыть ледяного пугающего взгляда. А улыбка насквозь сочится фальшью и лицемерием.

Когда мама берет меня за руку и осторожно ведёт в его сторону, я уже знаю, кем его мне представят.

— Герман Крестовский, — произносит он, протягивая мне ладонь. Отец с предполагаемым свекром подходят сразу же за нами и с интересом наблюдают за моей реакцией. — Твой будущий муж.

Игнорирую протянутую руку и, смотря сквозь него, безэмоционально произношу:

— Серафима Одинцова.

Вокруг повисает молчание, и я вижу, как он сжал свои губы. Рука, впрочем, до сих пор протянута. Такие, как он, не привыкли проигрывать.

Искоса смотрю на отца и вижу неодобрение в его взгляде. Кажется, кто-то сегодня будет наказан.

— Она просто волнуется, — вмешивается мама, пытаюсь разрядить обстановку, и хватает меня за руку, а потом подносит к *его* ладони, соединяя их в рукопожатии.

Его прикосновение тут же вызывает внутреннее отторжение. Все моё существо хочет отдернуть руку. Холодные, костлявые пальцы сильно сжимают мои, словно наказывая за задержку.

Вскидываю голову и вижу, как он все так же лучезарно фальшиво улыбается, словно не делает мне сейчас специально больно. Пытаюсь вырвать свою руку, но он не позволяет.

— Пусти! — цежу сквозь зубы, не собираясь терпеть и играть по его правилам. Он явно не ожидает этого, потому что тут же отдергивает руку.

Его отец немного хмурится, а мой смотрит непонимающе.

— Слишком сильно, — сжимаю свою ладонь другой ру-

кой.

— Не привык к таким хрупким созданиям, — со смехом бросает Герман, и у меня чуть кровь из ушей не льет, насколько его голос пропитан скользкой отвратительной лезтью.

Мой отец поддерживает его и издает что-то вроде смешка, как и его отец, и лишь мама с волнением сжимает и разжимает свои пальцы.

— Женщины. Чуть не так тронешь, уже больно, — говорит его отец, и это последнее, что я внимательно слушаю.

Все это время думаю о том, что не смогу смириться и жить с ним. На лице же написано — подонок.

Пока все остальные представляются друг другу, отворачиваюсь, чтобы вздохнуть и немного абстрагироваться, но тяжелая рука, опустившаяся мне на талию, не позволяет.

Возникает желание оттолкнуть его, закричать, чтобы не прикасался, но я не могу! Он же мой будущий муж! То, как он прикасается ко мне сейчас — ничто по сравнению с тем, что будет делать потом. Тошнота подкатывает к горлу. И даже тот факт, что он симпатичный, а по взглядам Святы я бы сказала, *очень* даже симпатичный, ничего не меняет, мне все равно противно.

Подсознание нагло вторгается с ремаркой о том, что руки незнакомца не приносили такого дискомфорта, как его... и уж точно не противили...

Стоит мне только вспомнить то, что было в уборной, как

двери зала открываются.

Гости, стоящие возле маленьких фуршетных столиков, и вся собравшаяся семья Крестовских и Одинцовых оборачивается.

В холле появляется до ужаса, до трясущихся коленок знакомая фигура.

При солнечном свете, что освещает его через панорамное окно, он выглядит ещё больше, массивнее и пугающе... красивым. Его белые волосы немного растрепаны, брови сведены к переносице, а строгий холодный взгляд четко направлен на меня. Точнее, на мою талию, на которой все сильнее и сильнее сжимаются пальцы моего персонального дьявола.

Кажется, я сейчас упаду. Пошатываюсь, и, как назло, костлявые пальцы впиваются мне в бок, удерживая рядом. Запах его приторного парфюма душит и ассоциируется с аммиаком.

— Прошу прощения, были дела, — без единой толики сожаления в голосе произносит незнакомец, все также смотря на меня.

Или я думаю, что на меня...

Потому что Герман притягивает меня ближе и отвечает ему:

— Ты вовремя, брат.

Меня словно с камнем, привязанным на талии, под воду отправляют. Задыхаюсь воздухом, что легкие требуют, дышу часто, грудь высоко вздымается от нервов. Себя собрать

воедино не могу, не то что мысли...

Брат?

Кажется, я сейчас точно потеряю сознание, иначе почему так плывет-то перед глазами?

Но Герман не останавливается на этом. Он толкает меня вперёд, чтобы я пошла за ним, и по пути произносит:

— Познакомься, это Серафима. Моя будущая жена.

## Глава 3

## Север

Выхожу из уборной в лютом бешенстве и со стояком как в пубертате.

Ухмыляюсь.

Блядь, чего добивалась девчонка? Что ее поцелуют и отпустят? Святая невинность.

Злость изнутри распирает. На себя, на девчонку, на то, с каким бешеным желанием хотелось раздвинуть ее стройные ножки и вогнать глубоко член.

Воу...

Когда в последний раз я вообще о таком думал? Странное ощущение, а значит, это не хорошо. Я привык контролировать то, что чувствую, а тут ситуация чуть не вышла из-под контроля.

Этот невинный взгляд девчонки намертво прицепился в голове. Ее оленьи глаза... огромные, голубые. Губы, которые так и хочется смаковать, и тело... ладное такое. Но тот факт, что зажимается вот так в туалете с мужиками, тут же трезвит.

Ставит мозги на место.

Но стоит мне только завернуть за угол, чтобы выйти к дверям в основной зал, как я вижу... ещё одну девчонку. Черт подери, в таком же гребаном бордовом платье! Она не отводит от меня взгляда и улыбается.

А до меня наконец доходит...

Я ведь не видел лица девчонки, которая сунула мне письмо. Хотел проучить пигалицу, и сам не заметил, как увлекся.

Настолько, что чуть не трахнул в туалете какую-то, непричастную к этой ебаной аванюре, девушку. *Чужую* девушку. *Помолвленную* девушку.

Подсознание тут же подгоняет воспоминания не только того, как девчонка брыкалась и вырывалась, но и как отвечала. Как скользила своими маленькими ладошками по моей шее, разгоняя импульсы и направляя их прямиком в пах, как своим языком неумело обвивала мой.

Какого хуя она отвечала тогда?!

Я должен узнать, кто она, чтобы понять причины своей нервозности сейчас.

Вместо того чтобы идти на запланированную отцом встречу с Одинцовыми, выхожу на улицу и решаю позвонить своему верному помощнику.

Не знаю зачем, но эта девчонка нужна мне. Как игрушка, как возможная девушка для секса, не знаю... Но одно я понимаю точно — хочу ее себе. А значит, она будет моей.

Выхожу на улицу и вдыхаю морозный воздух. Новосибирск в этом году гонит лютую зиму. Снег по полметра в вы-

соту, вечная непроходимость транспорта, отключение электричества, машины на вечно заведенном движке, но все равно... родные края. Когда уезжаешь отсюда, дико рвет обратно. Душа родину хочет. Отец многие годы стоит на территории Сибири заводы, открывает компании и ведёт активную жизнь бизнесмена в высших кругах, куда и нас с братом пытаются запихнуть.

Но меня это мало интересует, гораздо интереснее начинать с нуля и зарабатывать свою репутацию, а не прикрываться отцовской. Уже несколько лет я этим и занимаюсь. Разрабатываю открытие оружейного завода для последующего участия в госзакупках и торгах. Отец лишь посмеялся и пожелал удачи, когда впервые об этом услышал. Мне пришлось доказать ему, что, недооценивая меня, он теряет самое главное — уважение своего сына, который всегда старался ему соответствовать.

Видимо, цели и жизненные ориентиры координатно изменились, ведь я больше не нуждаюсь ни в чем одобрении. Через год заводы запустятся, ещё через пять я планирую выкупить их доли у инвесторов, чего бы мне это ни стоило, а потом рвать всех и вся.

В планах миллион проектов, которые хотелось бы реализовать, но самый ближайший — девчонка. Хочу видеть ее в своей постели.

Прервав поток мыслей, достаю телефон и звоню другу.  
— Яр, надо инфу на девочку пробить, — строго формули-

рую цель, и он без лишних вопросов все впитывает. — Блондинка, бордовое платье, около 11 зашла в уборную. Срочно.

— Понял, уже смотрю по камерам. Пришлю инфу в сообщении.

— Добро, — сбрасываю и, ещё раз глубоко и протяжно вздохнув, захожу обратно в дом.

Отец заставил прийти на этот званый ужин, где собираются все сливки общества обсудить очередную хуету, или кто на ком женится. Меня эти сборища изрядно заебали, но те крупницы уважения, что ещё держатся за воспоминания о прежнем отце, не дают мне послать все к хуям собачьим и не ходить на них.

Тем более на сегодняшнем он обещал объявить важную новость.

Если убрать тот факт, что все новости, которые он мне объявляет, по его мнению «важные», то ничего особенного я и не жду.

Планирую поздороваться и поехать на встречу со старым знакомым, прилетевшим в Новороссийск на подписание важных контрактов по передаче своих активов на другого человека. Интересные схемы, много сопутствующих вопросов, которые нужно обсудить, поэтому я на опыте быстро прохожу к двери, как обычно, извиняюсь, уже собираюсь подойти, чтобы со всеми поздороваться, как тут же стопорюсь.

Ноги прирастают к полу, когда я вижу *ее*.

Девчонка, с которой я содрал трусы в уборной, стоит воз-

ле моего брата. Его рука сжимает ее тонкую талию, и меня разрывает только от одного этого жеста.

Какого хуя тут творится?

Эта лань тоже смотрит на меня так, словно привидение увидела. Ей без белья явно не комфортнее тут находиться, чем мне, и, сука, почему, когда я снова думаю об этом, член норовит разорвать брюки.

Но вылетаю я с другого. Похуй на руку Германа на ее талии, похуй на собрание Одинцовых за их спинами, похуй даже на то, что она могла быть одной из тех тупиц, которые вешаются на Гера и которых он трахает, как шлюх, и выкидывает на второй день. Тогда я сделал бы с ней то же самое и выкинул бы.

Но нет...

— Познакомься, это Серафима. Моя будущая жена.

Слова брата набатом пульсируют у меня в голове, не собираясь усваиваться.

Я раскалывал людей, которые под страхом смерти не признавались в том, что были крысами и подставили меня. Я прогнозировал ставки на те или иные сделки или инвестирования. Я читал людей как открытые книги, но к этому я точно был не готов.

Какой-то чертов удар судьбы.

Этот удар был даже хуже удара ниже пояса.

Та, от которой я собственноручно отказался, которую видеть и слышать не мог, от имени которой у меня лютое бе-

шенстве возникало, зацепила меня настолько, что я захотел ее себе.

Захотел себе, зная, что никогда в жизни ее не получу.

## Глава 4

## Серафима

Не знаю, как я вообще смогла пережить этот ужин. Пальцы, держащие в руках вилку, дрожали. Я постоянно ощущала на себе *его* взгляд, но когда поднимала голову, то видела лишь холодное отстраненное лицо, направленное куда угодно, только не на меня.

Я ведь должна была быть *его* невестой. Это *он* отказался от фиктивного брака, не идя на поводу у отца. Это *его* все эти годы я ненавидела за силу отказать отцу, которую сама не имела. Ведь он смог прекратить это безумие, а я — нет.

И сейчас, после произошедшего в уборной, я не знаю, как себя вести.

Абсолютное крушение всех установленных понятий в голове.

Какие понятия вообще сейчас могут быть?!

Я невеста его брата, а он в день нашего знакомства содрал с меня трусы! И, блин, сейчас он сидит и знает об этом!

Господи, какая же я идиотка. Надо было сразу его остановить. Кусать, истерить, но остановить! Что теперь будет? Он расскажет... или... он будет меня шантажировать?

Вздрагиваю, когда массивная рука мужчины с грохотом опускается на стол, прекращая разбушевавшиеся споры наших отцов об очередном бизнес-проекте.

— Прошу меня извинить, но мне срочно нужно уехать.

— Но...

— Отец, у меня очень важная встреча, — не останавливаясь, брат моего будущего мужа шумно отодвигает стул и встаёт из-за стола, мимоходом скользя по мне взглядом.

Его отец тоже поднимается, явно недовольный таким поведением старшего сына.

— Северин! — громыхает тот, и я съеживаюсь, обнимая себя руками.

Ужасный тон, я бы такого точно не выдержала. Но мужчина даже бровью не ведёт. Спокойно поправляет пиджак и обходит стол, подходя к отцу.

— Не хочу разборок, отец. Я проявил к тебе должное уважение и пришел на помолвку брата. Сейчас меня ждет один из партнеров.

Его голос звучит ровно, но жестко. Сжав губы в тонкую линию, его отец молчит, и это означает лишь одно — выражение пораженного согласия.

Северин выходит из зала, и я понимаю, что только после этого могу нормально дышать.

*Северин...*

Почему я раньше не задумывалась о том, какое у него красивое имя, и как оно ему подходит?

Большой, словно огромная ледяная гора. Его плечи – бескрайние склоны: твердые, грозные. Холодно-голубые глаза, в которых можно разбиться, но никак не растаять. Его присутствие подавляло, потому что я чувствую в некотором роде страх перед ним.

Ощущаю себя крошечной возле этой ледяной горы. Кажется, словно ему даже рукой взмахивать не надо, чтобы от меня избавиться, если нужно будет.

А ещё я понимаю, что он гораздо сильнее своего брата, который то и дело заглядывает в рот своему отцу.

Нет.

Северин излучает власть в каждой детали: в том, как он стоит, как молчит, как двигается, как говорит и что именно говорит.

Я не знаю, что я чувствую сейчас. Бешеный коктейль. Наверное, мне нужно успокоиться и обдумать все дома, в спокойной обстановке.

Тем временем Свята, которая так восторгалась Северином, сейчас пускает слюни на моего жениха.

Господи, и что она нашла в нём, что смотрит, как голодающий на кусок мяса?

Бью ее ногой под столом, давая понять, что она очень палится, но та лишь отмахивается от меня.

Ох и Свята...

— Ты почти ничего не поела, — обращает внимание Герман, пододвигая ко мне тарелку с салатом.

Почему-то его жест кажется таким лицемерным. Я уже полчаса сижу и ковыряюсь в кусочке рыбы, но он только сейчас делает вид, что заботится обо мне?

Краем уха слышу, что родители начали говорить про нас. Вот в чем дело. На нас снова сфокусировали свой взор сильные семейств наших, и он решил подыграть.

Театр одного актера.

Принципиально отодвигаю тарелку и вижу, как его пальцы сильно сжали ее. Я его нервирую. И это взаимно.

А потом он наклоняется, все так же улыбаясь, и говорит то, от чего у меня волосы на руках дыбом становятся.

— Если сейчас же не прекратишь вести себя как сука, я найду чем наказать тебя потом. Как ты относишься к анальному сексу? Даже рвать ничего не придётся до свадьбы.

Я напрягаюсь всем телом, яростно сжимая в руках вилку и проговаривая про себя, что мне это мерещится.

— Улыбайся.

Не передать того ужаса, что выражает сейчас моё лицо. Я понимаю это по взволнованному лицу сестры и мамы, которые наблюдают за мной с противоположной стороны стола.

Хочется расплакаться... Нет! Лучше сделать ему больно. Чтобы навсегда стереть эту ухмылку, которой он одаривает меня.

Ублюдок.

Меня выдают замуж за извращенца.

— Улыбайся, Сима, — противным голосом тянет он.

Не реагирую. Не потому что пытаюсь специально ослупаться. Я не могу двинуться от напряжения во всём теле. Я в полном шоке. Застываю как статуя, не веря, что это происходит именно со мной. Бесстыжий. Говорит мне такие вещи на глазах у родственников.

Не успеваю даже закончить воображаемую панихиду после представлений о том, как убью его, как ощущаю резкий захват на своем бедре чуть выше колена.

Инстинктивно дергаюсь, но потом успокаиваюсь, стараюсь не показывать, что происходит у нас под столом. Лишь дрожь по телу отражает моё состояние.

— Я сказал, улыбнись, — теперь уже без тени улыбки цедит он, усиливая нажим пальцев.

— Мне больно!

— Это я уже слышал. Тебе будет ещё больнее, если ты не научишься меня слушаться, а будешь показывать свой характер. Улыбнулась! Сейчас же!

По-прежнему не могу. Словно все рецепторы организма отказываются ему подчиняться. И тогда он сдерживает обещание. Сжимает мою ногу так, что хочется взвыть, закричать, но вместо этого я лишь хватаюсь за край стола и стискиваю зубы. В глазницах собираются слёзы, но его жесткая хватка на ноге не дает мне подняться, чтобы встать и уйти.

— Улыбайся, — снова шепчет маньяк, делая это слово первым в списке моих фобий, но я, черт возьми, делаю это! Я улыбаюсь в тот самый момент, когда наполненные слезами глазницы не выдерживают и выливаются градом на моё лицо.

— Серафима, что случилось? — подсказывает мама, и я никогда ещё не была ей так благодарна, потому что это заставляет его убрать руку с моей ноги, а меня подскочить из-за стола и словно ошпаренной метнуться в сторону уборной.

— Наверное, переволновалась, — слышу за спиной голос Святы и шум от отодвигаемого ею стула. — Я схожу с ней.

— Хорошо, — говорит мама.

Вылетаю из зала, с жадностью глотаю воздух. Оперевшись о стену, делаю короткие рваные всхлипы. Всего парочку. Та порция, что мне сейчас жизненно необходима.

— Сима, ты чего? — следом за мной выходит Свята и тут же прижимает меня к себе.

Обнимаю ее, утыкаясь лицом в ее тонкую шею. Родной запах мяты и сладости немного успокаивает, пока она не начинает говорить:

— Я знаю твое отношение к фиктивному браку, родная моя, но, может, приглядишься к нему? Он же...

Отталкиваю ее, не дав договорить, как ненормальная мотая головой. Место, где он больно меня сжимал, теперь напоминает о себе тянущей болью. В этот момент я понимаю, что она не поймет меня. А разбивать ее розовые очки и развеивать иллюзии, пока в ее собственную жизнь не постучалась тьма, я не буду.

Не смогу.

— Прости, я хочу побыть одна.

Святослава кричит мне что-то в спину, но я не даю ей догнать меня.

Забегаю в уборную и замыкаюсь на замок. Знаю, что Свята не уйдет, будет ждать у двери, пока я не отойду и не решу сама рассказать ей о своих переживаниях, но этого не будет.

Даже если я эгоистично разрушу ее розовый замок в голове, где каждая принцесса обязательно выходит замуж за принца, то, учитывая ее импульсивность, сказать ей о том,

что мне сделал больно будущий муж, это равносильно тому, что я пойду и посреди зала прокричу об этом сама.

Так ещё и с обвинениями к его семье и к нему самому кинется. Свята не станет ждать. Она просто сделает и всё, несмотря на возможные риски. Родителей жаль, они ни в чем не виноваты. Они не должны из-за меня потерять свое лицо перед авторитетами города. Наверняка, они тоже не знали, что он такой... Но теперь поздно. Он мой жених, а скоро будет и муж.

И если он пожелает, то... будет делать со мной что угодно.

В этот момент словно кончается воздух. Я кашляю, падаю на колени и понимаю, что нет!

Я не могу так спокойно с этим смириться. Но и родителей подвести не могу.

Мне нужно срочно что-то придумать!

## Глава 5

1 месяц спустя

Серафима

— Мам, можно отказаться? Я чувствую, что нахожусь не в безопасности рядом с ним...

— Знаю, — плачет мама, заправляя мне за ухо волосы. — Вижу, как смотрит на тебя, но сделать ничего не могу. Твой отец... Он не позволит.

И я верю ей. Потому что после вечера нашей помолвки мама с отцом очень сильно поругались, и после этого мама неделю не выходила из комнаты.

Папа никогда не поднимал на неё руку. Однако вместо этого он ее запирал. Это было ее наказанием.

— Ты знала, да?

— Возможно, ты считаешь, что я плохая мать, раз не могу тебя защитить, но я не слепая. Я видела это огромное синее пятно на твоей ноге. И моё сердце обливается кровью каждый раз, когда я думаю о том, что он с тобой может сделать, оставшись наедине.

Мама плачет, а я просто не могу смотреть на ее слёзы.

Я готова сейчас сделать что угодно, только бы родной мне человек успокоился, не мучил себя. Даже ценой собственной безопасности. Когда любишь человека, ты не можешь быть эгоистом.

Я точно не могу...

— Мам, он не настолько ужасен. Просто... я очень доводила его в первый день. С мужчинами так нельзя. Сама знаешь. А так у него есть и хорошие черты. Он умен, амбициозен, красив. У него много влияния, он обеспечен. В чем я буду нуждаться, когда выйду за него? Конечно, он повел себя некрасиво на вечере, но я унизила его. Больше так делать не буду.

Она кивает. А что ей ещё остается? Изменить мы все равно ничего не можем.

— Но я все равно не отпущу тебя одну. Свята пойдёт с тобой. Нечего ему до свадьбы, которая ещё неизвестно когда случится, оставаться с тобой наедине.

Так мы и делаем. Собравшись, садимся с сестрой в тонированный бронированный внедорожник и с кучей сопровождаемой нас охраны едем в особняк Крестовских.

Я заметно нервничаю. Пытаюсь отвлечься на беседу со Святой, на разглядывание природы за окном, но ничего не выходит. В голове лишь его горящие глаза, повелительный тон и цепкие пальцы, вонзающиеся мне в ногу.

— Ты меня слушаешь вообще? — привлекает к себе внимание сестра.

— Прости, я задумалась.

— Я тебя спрашиваю, кто тебе понравился больше? Герман или Северин? Блин, я так рада, что так получилось, и я не пошла с ним на встречу! Представляешь, что бы было?! Скандал! Позор века просто. Если бы узнал отец...

Да уж... позор века, не иначе. Только мой. Интересно, что он думает обо мне?

Машинально тянусь к губам, а потом резко отдергиваю руку. Если этот мужчина расскажет своему брату... Что этот ненормальный вздумает сделать со мной? Надо срочно придумать, как встретиться с ним и прощупать почву. Что он вообще думает о той ситуации.

— Никто. Ты же знаешь моё отношение к этой свадьбе. Я мечтаю, чтобы они обанкротились, и отцу стало невыгодно меня отдавать им.

— Ага, тогда он найдет тебе другого. И он может оказаться не таким молодым и красивым.

— Свята, — поворачиваюсь, накрывая ладонь сестры своей рукой. — Ты мне одно скажи, ты что, так замуж хочешь?

— Хочу, — без тени сомнения в голосе отвечает сестра, а я просто поражаюсь ее инфантильности. Ребёнок, ей-богу!

— Ты хоть понимаешь, что это ответственность и...

— Серафима, я устала находиться под крышей родителей в качестве куклы, которой они играют только в крохи свободного времени. Мне хочется жить. И я думаю, что когда выйду замуж, то эта жизнь у меня появится. Хотя бы как у

мамы...

Качаю головой и закрываю глаза. Господи, да ты даже не можешь увидеть, какую именно жизнь живёт мама, какой брак?!

— Ладно, — обнимаю ее, вдыхая аромат свежести ее парфюма. — Я очень люблю тебя, пожалуйста, не делай глупостей, из-за которых я буду нервничать.

— Это ты глупостей не делай. В прошлый раз ты убежала и ничего мне не сказала, что случилось. Может, сейчас расскажешь?

— Просто... он неприятен мне. Очень.

— Может... — сестра заговорщически сощурила свои глаза, — ты влюбилась в другого?

— Да, — отвечаю машинально, чтобы отстала наконец. — Люблю другого, но это не взаимно, поэтому даже не спрашивай, кто он. Знай, что я не хочу выходить за Германа.

— Может, тогда я за него выйду?

Чуть челюсть не роняю от услышанного. Меня передергивает, как от удара током.

— Ты в своем уме? Да он же..

— Он нравится мне, Сима. Я влюбилась с первого взгляда, как только увидела его. Знала, что ты его терпеть не можешь, иначе даже не посмела бы...

— Стоп, — прерываю ее жестом руки, а сама падаю лицом на колени, завывая: — Господи! — бью руками коленки, а потом так же резко выпрямляюсь. — Фиг с тобой! Давай! Я

буду делать все, чтобы вас сблизить, но если он хотя бы раз сделает тебе больно...

— А должен? — выгибает бровь сестра.

— Я просто предупреждаю.

Надеюсь, что этот ублюдок не станет применять свои грязные штучки и на Святе, я не позволю! Но увидеть его истинное лицо она все-таки должна. Ситуация осложняется ее влюбленностью. С характером Святы она его из-под земли достанет, главное, чтобы этот маньяк ее не обидел!

Когда подъезжаем к особняку, седовласый мужчина в костюме галантно провожает в дом, где нас встречают помощники, приветствуют и помогают избавиться от шуб.

Поднимаясь по лестнице, мы проходим по длинному коридору, по обе стороны которого расположены двери. Машинально оглядываюсь и замечаю, что одна из них открыта. Подойдя ближе, не могу сдержать любопытства и заглядываю...

Тут же натыкаюсь на сведенные к переносице брови и испепеляющий взгляд Северина. Он разговаривает с отцом, стоящим ко мне спиной, поэтому я отчетливо вижу, как его взгляд скользит по мне по мере моего движения.

Внутренности тут же стягиваются узлом, когда я понимаю, что это мой шанс с ним поговорить.

Другого просто не будет. Только как это сделать, когда охрана ведёт меня прямиком до комнаты жениха?

Решение приходит в голову моментально.

Как только открывается дверь в комнату Германа, я захожу туда со Святой, но тут же вылетаю обратно, закрыв их там вдвоем.

Может, поговорив с ним наедине, она поймет, какой он придурок, и разлюбит его?

Удивительно, что этот ублюдок не завопил, чтобы я зашла обратно. Наверняка в его воображаемом кодексе подонка есть пунктик на свободу передвижения женщин в его доме.

Хорошо, что пока я ещё не женщина «его дома».

— Простите, — опережаю вопрос сопровождающего меня мужчины, усиленно нажимая на живот. — Резко живот заболел, мне срочно нужно в уборную. Кажется, я не вытерплю и минуты, — для пущей эффективности ещё и дергаясь, словно у меня синдром Туретта\* (болезнь нервной системы, при которой у человека возникают множественные простые или сложные двигательные и вокальные тики в течение более 12 месяцев)

Мужчина прочищает горло и вскидывает голову, не смотря мне в глаза, словно я сказала что-то постыдное. Сноб.

— Вдоль коридора последняя дверь налево, — четко чеканит он.

— Спасибо, но... — мнусь, немного наклоняясь и имитируя резкую боль в животе. — Вы можете уйти, я запомнила, где находится комната Германа, вы меня очень смущать будете.

Он несколько секунд мнетя, но в итоге соглашается.

Я же, дойдя до уборной, захожу внутрь и, оставив приоткрытой дверь, смотрю, когда же Владимир — отец Германа, выйдет из кабинета.

Адреналин бурлит в крови. Я вообще в шоке, что делаю нечто подобное. Мне кажется, что все, что касается этого мужчины, вводит в мою жизнь непонятный хаос. Я должна это прекратить.

Я жду, когда смогу с уверенностью зайти в кабинет и сказать ему, что все это нелепая ошибка, о которой совсем не стоит знать нашим родным.

Но выходит совсем не так, как я ожидаю...

Потому что я тут же вздрагиваю от резкого хлопка дверью, а потом вижу, как прямо в сторону уборной надвигается... Нет, это не просто Северин. Это словно волна цунами, лава от взорвавшегося вулкана.

Он очень зол. Его сведенные к переносице брови на фоне его огромного мускулистого тела смотрятся настолько пугающе, что я уже сомневаюсь, что встретиться с ним снова — хорошая идея.

Его бешеная энергетика настолько пугает, что я инстинктивно прячусь за стеклянную перегородку, отделяющую

длинную мраморную раковину от большой ванны с гидромассажем.

Перегородка с темным напылением, поэтому вряд ли меня через нее видно.

Но что я, блин, вообще делаю?!

Хорошо, что туалет и ванная здесь отдельно. Иначе я бы не пережила этот день.

Перестаю дышать, когда дверь открывается и тяжелые шаги останавливаются на расстоянии вытянутой руки от меня.

Руки, ноги, тело — все начинает дрожать. Делаю вдох и тут же задерживаю дыхание, когда кажется, что я даже дышу громко!

И вроде бы надо встать, сказать, что хотела с ним поговорить, но мне до чертиков страшно.

Я дико боюсь выходить.

Я трусишка.

И мне даже плевать на те цели, о которых я думала изначально. Сейчас меня волнует только одно — дождусь, когда он уйдет, вернусь в комнату к жениху, где буду и дальше грызть себя параноидальными пессимистичными мыслями.

Тем временем комната наполняется звуком быстрого потока капель. Слышится несколько брызг, а потом он выключает воду.

Ну все. Тело словно свинцом заливают. От перенапряжения мышцы ноют, но я жду.

Он умылся и должен выйти. Осталось чуть-чуть, и я снова

смогу дышать и больше никогда даже не подумаю ещё раз с ним встретиться.

Слышится какой-то шорох, потом я вижу, как на пол падает черный свитер... следом ещё что-то, не могу понять издалека, а потом я просто умираю, потому что мозг отказывается в этом участвовать, а сердце разрывает от чересчур резкого прилива адреналина в кровь, когда мужчина открывает стеклянную дверь и по совместительству мою единственную защиту от него.

Зажмуриваюсь от дикого страха, потому что не смогу, не выдержу прямого взгляда, умру от стыда!

И разбиваюсь на осколки, когда он обращается ко мне.

— Долго собралась здесь сидеть? — гремит сверху.

Инстинктивно дергаюсь, обнимая себя руками. Медленно открываю глаза и поднимаю голову.

Северин стоит надо мной, сложив на обнаженной груди свои огромные накачанные руки, и гневно прожигает взглядом.

— П-прости, я просто...

— Ты что, воровка? — вводит в ступор своей фразой, и почему-то именно это меня вмиг успокаивает.

— Чего?

— Крадешься по коридору, заглядываешь в открытые двери комнат, потом я вижу тебя спрятавшейся в ванной, когда я собрался душ принять. Кто ты тогда? Может, шпионка? И мне стоит тебя сейчас же трахнуть, а потом убить?

Мои глаза становятся похожи на кратеры вулкана, а сердце с грохотом падает к пяткам. Я в полнейшем шоке и даже моргнуть не могу, рот, как назло, не закрывается...

И почему-то первое, о чем я думаю, и, собственно, говорю, кажется последним гвоздем в крышке моего горба.

— А трахать-то зачем тогда?

Мужчина выгибает бровь, а потом хищно скалится. Мне становится тошно смотреть на него со своего сидячего положения, и я встаю.

— Совместить приятное с полезным, — ровно отвечает он, и я издаю рваный полувсхлип.

— А разве брать женщин против воли — приятно? Не знала, что у вас такие низкие моральные установки.

Кажется, это я зря.

Мужчина подбирается, делая шаг ко мне, тогда как я вдав-

ливаюсь спиной в стену, и притягивает руку. Взяв в захват мою шею, он несильно сжимает ее, притягивая к себе вверх.

— Разговариваешь на «вы»? Когда мои пальцы уже трогали тебя между ног? Когда я языком трахал твой рот? Когда мямл объемную грудь? Зачем мне брать тебя силой, если ты сама этого хотела.

— Хватит! — не могу этого слушать. Стыд вперемешку с отчаянием топят разум. Не могу смириться с тем, что пошла на поводу у внутреннего голоса и позволила незнакомцу с собой такое вытворять. А сейчас он ещё и манипулирует мною этим!

— Боишься? — опускается и проводит языком по моей скуле так, что у меня скручивает живот.

Скрещиваю ноги, только бы унять жжение, но не помогает.

— Чего мне тебя бояться?

— Я рядом. А ты, уверен, уже вся мокрая...

Утыкаюсь ладонями в его железную грудь и, смотря прямо в глаза, произношу:

— Когда-то ты отказался от возможности взять это тело. Не говорю «взять меня в жены», потому что никогда в жизни не смогла бы стать твоей женой по-настоящему. Так вот. То, что произошло в уборной на помолвке — недоразумение. Ты принял меня не за ту, облапал, забрал мой первый поцелуй и трогал там, где мне самой себя трогать стыдно! Ты не давал мне и слова сказать, не позволял сопротивляться! Ты гово-

ришь, что не брал силой? Но именно это ты и делал! И если в тебе есть хотя бы доля самоуважения и горошинка морали, забудь об этом дне и больше никогда не вспоминай. Обещаю сделать то же самое.

На удивление, он внимательно слушает всю мою речь, не перебивая.

Вкладываю в ладонь всю имеющуюся силу и бью его в грудь.

— Отпусти!

И он отпускает.

Делает шаг в сторону, позволяя мне пройти.

В голове бушует океан противоречий. Я вылетаю из ванной с такой скоростью, что забываю о предосторожности!

— Серафима, — удивленно говорит Владимир, выходя из своего кабинета.

— Здравствуйте. Наверное, вас не уведомили. Герман попросил моих родителей привезти меня. Мы приехали вместе с сестрой. Если вы не против...

— Нет, конечно. Я просто немного удивлен увидеть тебя одну. Где охрана?

— Я отошла в уборную. Это лишнее.

— Серафима, в своем доме ты можешь ходить без охраны на ответственности своего отца, но в моем, пожалуйста, будь благоразумнее и дальновиднее. Если с тобой что-то произойдет в этом доме, начнется война. Мы оба этого не хотим.

Словно провинившийся котёнок, опускаю голову вниз и

ничего не могу возразить. Он абсолютно прав. А я настолько дурочка, что ставлю жизнь родителей и мирных граждан, которые могут потом пострадать от войны кланов, ниже своих нелепых домыслов о брате моего жениха!

Смешно просто становится.

— Простите, пожалуйста, я обещаю, что это не повторится.

— Я надеюсь, — он по-отечески хлопает меня по плечу, а потом берет под руку и ведет к комнате Германа. — Проходи, передам лично жениху в руки.

Господи, да лучше из окна прыгнуть, чем в его комнату идти. Слава богу, что со мной Свята, иначе я бы этого не выдержала.

Дверь в комнату открывается. Владимир жестом приглашает меня войти. Я делаю шаг и слышу, как за мной закрывается дверь.

— Свята? — тихо зову в пустоту, потому что кабинет оказывается пуст. И только когда слышу отдаленные звуки чьих-то стонов, раздающийся откуда-то из-за угла, понимаю, что за шкафом есть скрытый проход, и закрываю рукой рот, только бы не выдать себя. Потом осторожно огибаю письменный стол, захожу за шкаф и приоткрываю дверь...

## Глава 6

## Серафима

— Ах, ну-у это очень приятно, — слышу голос сестры и чуть не вою от злости.

— Да что у вас тут происходит?! — влетаю в комнату, на ходу распахивая дверь, и замираю с раскрытым от удивления ртом.

Свята сидит на кресле, а за ее спиной стоит Герман и делает ей массаж.

МАССАЖ, блин!

— Ты чего такая? — подсказывает сестра смутившись.

— Я... просто... — смотрю на довольное лицо своего жениха, и ударить его хочется.

— Ты же не думала, что я тут трахаю твою сестру? Да, будущая женушка? — скалится ублюдок, откидываясь в кресле.

Не обращаю на него внимания и тяну за собой Святу.

— Ты в порядке? — спрашиваю, притягивая к себе.

— А не должна быть? Сима, что происходит?

— Просто ты так... Боже, ладно, забудь.

— Не присядешь? Раз уж все-таки зашла в комнату, — ехидно добавляет Герман, делая акцент на последних словах и намекая, что прекрасно осознает, почему я сбежала.

А мне смешно становится. Ты и понятия не имеешь, куда и к кому я сбегала... будущий женишок.

— Я встретила по пути с твоим братом, — решаю прощупать грань между их отношениями. И оказываюсь права, судя по реакции на его лице, которая красноречивее любого ответа говорит мне, что он его ненавидит. Мои брови сходятся на переносице, а руки складываются на груди в защитном жесте. — Он очень воспитанный, интеллигентный... в отличие от тебя.

— Сима! — влезает Святая, но я жестом показываю ей молчать.

Герман усмехается.

— Ты его совсем не знаешь, — смеётся он истерически. — Мой брат из тех, кто ломает тебя надвое и не посмотрит, что ты девушка.

— А ты разве от него отличаешься?

Герман вскакивает и резко подлетает ко мне, хватая за горло.

— С ума сошел? — кричит сестра, а я слова не произношу. Вскинув голову вверх, нагло смотрю в его лживые глаза.

— Выйди, Святослава, — улыбается придурок, но моя сестра вырывает его руку с моего горла и, замахнувшись, громко бьет его по лицу.

— Боже! — вскрикиваю, закрывая ее собой, но она отпихивает меня от себя.

— Что ты позволяешь себе? Никто не может так обра-

щаться с моей сестрой! Никто! — вопит она, словно разъяренная фурия.

Вижу, как раздуваются его ноздри, как часто он дышит, словно готов вот-вот на нас наброситься, и когда он наклоняет голову и ухмыляется, я уже точно понимаю, что нам конец.

— Беги! — толкаю Святу, и мы обе вылетаем из его потайной комнаты в кабинет.

Добежав до двери, распахиваю ее и несусь в сторону уборной. Свята бежит за мной. Если нам повезет, то Северин ещё не должен выйти оттуда.

— Северин! — тарабаню в дверь, почувствовав облегчение, когда слышу шум воды. — Северин, умоляю! Открой!

Почему-то в этот момент я на все сто процентов уверена, что этот пугающий с виду мужчина сейчас безопасен. Даже более — он единственный, кто сможет спасти меня от своего брата сейчас!

Я тарабаню в дверь ещё сильнее, а когда вижу вышедшего за нами Германа, чуть ли не теряю сознание... Его бешеный взгляд... не просто пугает.

— Стой за мной. Это я его ударила, мне и отвечать! — говорит Свята.

— Я... — произносит одними губами этот ненормальный, надвигаясь на нас. — Убью тебя.

И когда он останавливается и, несильно отпихнув назад Святу, хватает меня за руку, спасительная дверь распахива-

ется.

Северин стоит в проеме, полностью закрывая его своим огромным телом.

И стоит, впрочем, в одних лишь домашних штанах. По его телу скатываются капли воды, огибая каждый накачанный мускул. Белые мокрые пряди спадают на лицо, и в этот момент хочется протянуть к ним руку и поправить...

Хватка на моей руке усиливается, и меня дергают назад.  
— Отпусти! — царапаю его руку, но он лишь сжимает ещё сильнее.

— Отпустил ее сейчас же, — отдает железный приказ Северин таким тоном и с такой интонацией, что я вздрагиваю и мурашками покрываюсь. Хрип его голоса ещё надолго останется в моем сознании как самый пугающий из всех, что я слышала.

— Не вмешивайся! Это моя невеста, и я буду обращаться...

Северин не слушает его. В два шага приблизившись, он сжимает руку Германа до тех пор, пока он не отпускает мою и не скручивается поскуливая.

— Я же нормально попросил, Гер. Я нормально, — он выделяет интонацией это слово, — тебя, блядь, попросил.

— Ты больной! Отец выпотрошит тебя! — кричит Герман, но его брат лишь устало вздыхает.

— Ты в порядке? — обращается ко мне, а я словно в транс стою. — Серафима!

Вздрагиваю, а потом киваю.

— Вещи в руки и быстро на выход. Сестра поедет с охраной, а ты спроси у них, где стоит моя машина. Я сам отвезу тебя.

— Но...

— Без «но», быстрее! — давит он, и я захлебываюсь возмущением, но больше не возражаю.

Вложив ладонь в протянутую Святой руку, выбегаю на улицу, будучи настолько испуганной произошедшим, что только уже на улице ощущаю ледяной испепеляющий ветер на раздетом теле, но не сбавляю темп и делаю так, как сказал мужчина. Бегу.

— Что вас связывает с ним? — интересуется сестра, пока идём к машине.

— Расскажу обо всем дома.

— Ты будешь с ним в безопасности?

— Да, не волнуйся, все хорошо. Думаю, что он отличается от своего брата и не причинит мне вред.

— Уверена? Сима!

— Я сейчас в таком состоянии, что ни в чем не уверена. Но мне нужно с ним поговорить, — целую сестру, когда она садится в машину, а сама в окружении охраны иду к огромному черному тонированному кроссоверу. По пути мне доставляют мою забытую шубу, и я тут же кутаюсь в неё, но не ощущаю тепла...

Я дрожу, и это не про холод.

Если я переживу эту поездку с его братом, значит, переживу и свадьбу с этим чудовищем.

Проходит не меньше получаса, прежде чем дверь распаивается и Северин выходит на улицу. Походка словно у хищника, взгляд бешеный. Даже не застегнув серое пальто, он идёт, словно хозяин этой жизни.

Хотя почему «словно»?

Он может делать все, что захочет. Как и отказываться от того, что ему не нужно. Или кто...

Забираюсь подальше и вжимаюсь в уголок заднего сиденья, наблюдая за тем, как он подходит к машине. Когда дверь открывается, впуская вместе с собой морозный воздух, я поворачиваю голову и смотрю прямо, только бы не встретиться с ним взглядом.

Неудобство уровня сто. Высший балл.

Однако, сев за руль, он не заводит машину, а просто сидит. Когда же осмеливаюсь повернуться и понять, в чем дело, натыкаюсь на его пристальный взгляд в зеркале.

— Я сижу и думаю, сколько ещё по времени ты будешь делать вид, что меня здесь нет? Удивительно, — хмыкает Северин.

— Тебя забавляет игнор? Разве это нормально? Может, стоит провериться? — вырывается у меня истеричное, после чего я хлопаю себя по губам, выпучив глаза в ожидании его реакции.

Он снова удивленно вскидывает бровь и просто смотрит на меня. Теперь уже повернувшись. Прямо в лицо. А потом жестом указывает на переднее сиденье.

— Быстро пересела. Я тебе не таксист.

Он отворачивается, а я делаю медленный плавный выдох и нажимаю на ручку двери. Ох уж эти вечные приказы...

Сейчас сбежать бы, да подальше. Вот только догонят... и за волосы приволокут обратно.

Неспешно открываю переднюю дверь его огромного внедорожника, залезаю, а когда захлопываю дверь машины за собой, чувствую, как воздух внутри салона становится тяжелее и гуще, чем снаружи. Становится тяжело дышать.

Краем глаза замечаю, как его руки мощно лежат на руле, как он ловко выруливает от дома, а потом так красиво держит руль одной рукой, откинувшись на сидение, что я невольно засматриваюсь.

Заметив это, он ухмыляется, а я отвожу взгляд и перехожу в нападение, чтобы скрыть смущение.

— Ну и зачем ты это сделал? Что теперь? Что скажут мои родители? — осмеливаюсь спросить, вцепившись руками в подлокотник. Мой голос звучит спокойно, может, даже вызов в нем мелькает. Пусть знает, что я не из тех, кого легко держать в страхе. Хотя бы визуально.

Он мельком бросает взгляд в мою сторону. Глаза чуть прищуриваются. От этого взгляда мне вдруг становится жарко.

— Тебя только это волнует? — бросает он, взгляд снова возвращается к дороге. — Почему он бежал за тобой?

— Я разозлила его.

— Когда вы поженитесь, тоже будешь в мою комнату бегать? — повышает он голос, показывая свою нервозность, а меня это до жути оскорбляет.

— Больше никогда не попрошу у тебя помощи!

— Серафима... Серафима, — словно пробует на вкус моё имя, тщательно перебирая буквы. — Ты нихрена не понимаешь? Откажись от этого брака. К чему эта жертвенность?

Его тон язвителен, но всё же улавливается в нем нечто большее — неразгаданная глубина волнения. О ком? Обо мне? Или о репутации его семьи, когда все узнают, какой психопат его младший брат?!

В ответ я смеюсь. До истерики, почти до слез. Меня накрывает от его тона, манеры речи, властных закидонов. Меня кидает из стороны в сторону, стоит только представить, что он может сделать все то, что сказал: — по желанию отказать, как тогда, много лет назад.

А я — нет, ведь брак с его братом неизбежен.

— Ты нормальная?

О! Это реакция на мой смех.

— Уже сомневаюсь, — откидываюсь на сиденье и прикрываю глаза.

— Что тебя рассмешило?

— Твои суждения. Вроде кучей бизнесов заправляешь,

гордый, справедливый, вежливый, умный, как о тебе все говорят. А элементарные вещи не знаешь и не видишь. Не могу я отказаться от этого брака. Я словно рождена была для этого. Это моя жизненная миссия, к которой готовили с детства, — наигранно меняю интонацию. — Можешь себе это представить? Когда с младенчества тыкают в то, что я себе не принадлежу. Чтобы ненароком не упала нигде и кожу не содрала, потому что она не мне принадлежит! Чтобы на мужчин других даже не смотрела, потому что глаза мои лишь одного видеть должны! При том, что я даже фотографию его не видела... — снова смеюсь и замечаю, как он стискивает зубы так, что я слышу скрежет. — Когда ты отказался от меня, я думала, что освободилась, но это не так. Ведь дело было не в тебе. Не ты, так твой брат, не твой брат, так кто-нибудь другой, — эмоционально продолжаю я. Стараюсь, чтобы мои губы не дрожали, но голос предательски звенит. — Кто-нибудь другой, только не тот, кого я сама выберу, понимаешь? Поэтому я целовала тебя в ответ в уборной на помолвке. Я хотела в первый и последний раз сделать то, чего меня лишали всю мою жизнь — выбрать, что делать, самой. Считаешь меня ужасной?

— Нет, — мгновенно следует ответ. Он не смотрит на меня. Лишь крепче сжимает руль. — Я хочу в последний раз обсудить с тобой тот день, и больше мы к нему возвращаться не будем. Согласна?

— Хотела бы сейчас этого больше всего.

— Произошло недоразумение. Я не считаю тебя легкодоступной, более того, я виноват в том, что не сдержался и не дал тебе возможность меня оттолкнуть. Не ты. Так что прекрати накручивать себя. Для этого даже мысли читать не нужно уметь, все написано у тебя на лице.

— То есть ты забудешь об этом?

Он тяжело сглатывает и томно выдыхает, прежде чем ответить.

— Да.

— Что насчет моих родителей? Что мы скажем им, когда приедем? Почему я с тобой?

— Не думай об этом, я всё решу.

— Но они же...

— Осторожнее, девочка, — медленно произносит он, снова устремляясь вперед взглядом. — Я не один из тех, чьи слова ты можешь подвергать сомнению. Я сказал, что решу, значит, это будет так.

## Глава 7

## Север

Сказанное Серафимой пусть и не ново, но коробит. Мы не задумываемся о том, насколько мало прав у женщин нашего мира. Мира власти, денег и мафии. И сейчас Серафима, как олицетворение всей их боли, вываливает на меня гнет ее души.

А я ловлю его, пропуская через себя. Если когда-нибудь я женюсь, обещаю сделать свою женщину свободной в выборе и обеспечить ей безопасность без запираания в четырех стенах, ограничения свободы действий, мысли и в целом жизни.

Сжимаю крепче руль. Слышу, как она шумно дышит и щелкает ногтями от нервов. А я не могу помочь.

Я ошибался в ней. Всю свою жизнь я считал ее не той, кем она является на самом деле.

\*\*\*

Дорога занимает гораздо больше времени, чем я планировал. И это не из-за пробок или каких-либо других объективных причин. Все дело в ней. В том, что она так рядом.

Серафима молчит. И это хорошо, потому что я не люблю пустые разговоры. Особенно сейчас, когда даже просто

смотреть на неё — неправильно. Ее нежность и природная притягательность как лезвие по моему самоконтролю. Я держу руки на руле, взгляд строго перед собой, но все равно замечаю каждое движение её профиля, каждый неловкий, будто случайный, взгляд, который она неосознанно бросает на меня, но при этом не делает ничего, чтобы понравиться мне.

И это больше всего меня бесит.

Когда совсем не должно.

— Приехали, — говорю я, плавно останавливая машину у главного входа их дома. На улице густая ночь, и только свет из окон нарушает тьму.

Серафима выходит первой и, кажется, только сейчас нормально вдыхает воздух.

Такая мелкая, слишком хрупкая для этого мира. Даже огромная шуба, сидящая на ней словно на маленькой кукле, не делает ее больше, наоборот. Словно она сейчас упадет под ее тяжестью.

Следую за ней, наблюдая за каждым шагом, движением рук. За тем, как она заправляет за ухо светлые волосы. Как отводит взгляд, не выдерживая моего.

А в голове лишь одна мысль бьется — она не моя.

И что бы я не хотел, что бы не предпринимал... моей не будет.

Невеста брата... некогда брошенная мной, теперь проникла в мою голову, нагло прорубая себе путь сквозь сопротивление, здравый смысл и понятия чести. Она обосновалась

прямо посредине, полностью занимая собой все мысли и желания.

Хочу ее до скрежета зубов. Каждую гребаную ночь, после того случая на помолвке, я думаю о ней. Я трахаю ее в своих мыслях в самых разных позах. Грязно, откровенно, жестко. Я мысленно вижу ее взгляд, направленный снизу вверх, когда она голая несмело обхватывает мой член и погружает его в свой рот...

Я хочу невесту своего родного брата. Эта ебаная мысль взрывает мой мозг.

Я хочу ту, до которой моя честь и мои понятия никогда не позволили бы мне дотронуться.

Но в какой-то момент я теряю грань между тем, что я могу себе позволить в этой жизни, и тем, что замыливает глаз, размывает границы и превращает мою жизнь в одержимость.

В одержимость ею.

Тяжелым шагом следуя за ней, прохожу через несколько постов охраны и спрашиваю, где находится кабинет Виктора — отца Серафимы.

Пока наблюдаю за ее походкой, слежу за плавными движениями бедер, когда она снимает свою шубу и остается в белом облегающем платье. Сжимаю кулаки и отвожу глаза, всматриваясь поверх ее головы расфокусированным взглядом в пространство. На деле же до сих пор ее вижу. Не вытравливается из головы.

Дойдя до лестницы, мое ходячее искушение поворачива-

ется и смотрит на меня, словно лань на тигра. Ее периодические волны страха по отношению ко мне заводят ещё больше. Но когда я головой осознаю причину ее зашуганности, злюсь дико.

Мой брат должен усвоить урок по обращению с женщинами. Усвоит или нет — не знаю, но запомнит уж точно.

— Спасибо, — говорит она, взметнув светлыми кудряшками. Ее нежная энергетика и пьянящий запах сладости выбивают меня из равновесия. Приходится держать внешнюю безэмоциональную броню, напрягая мышцы всего тела, чтобы не показать ей, насколько я сильно сейчас поддаюсь ее влиянию.

Сладкое ходячее искушение. Серафима Одинцова...

— Не за что, — отвожу свой взгляд и делаю шаг вперед, отдаляясь от запретной сладости ее дыхания.

Черт возьми.

К тому моменту, когда подхожу к двери кабинета и открываю ее, успеваю немного остыть. Ее отец уже ждет меня. Серьезный, сидит, развалившись в кресле, и всем видом демонстрирует, что готов завалить меня вопросами, но я опережаю его, круша все мосты еще до того, как он раскроет рот.

— Она внутри, и она в безопасности, — произношу твердо. Мой голос — холодный острый металл. Не раз бывал на переговорах, знаю, какое влияние он оказывает на оппонента. — Я привез ее, потому что хотел узнать девушку, которая входит в мой дом.

Он сжимает губы. Но кивает.

— Я был инициатором поездки. Задал ей несколько вопросов. Она лишь делала то, чему ее учили с детства — подчинялась. Если у вас есть вопросы, задавайте их мне, а не ей.

Он отводит взгляд. Ему нечего сказать мне, и он это понимает. Как и нечего предъявить Серафиме.

— Если это все, у меня ещё есть встр... — не успеваю договорить, как снаружи раздается глухой взрыв. Пол под ногами содрогается, стены трещат по швам, разрушая былую тишину. Кабинет вибрирует. Виктор поднимается из-за стола быстрее, чем я вытаскиваю пистолет из кобуры.

— Это не ловушка, Север, успокойся! — кричит он мне, и я вижу страх в его глазах. — На мой дом напали!

Я сумасшедший. Я повернутый. Я одержимый, раз первое, о чем я думаю в этот момент — это о девушке, что поднялась на второй этаж, и которая не выходит у меня из головы даже тогда, когда я разговариваю с ее, блядь, отцом!

— Где комнаты девочек?! — кричу я, видя растерянность на лице мужчины, пока мы выбегаем из кабинета навстречу нескольким людям из охраны.

— Дом окружен, — запыхавшись, отчитывается охранник. — Нескольких обезвредили, но взрывы раздаются по всей территории. У нас был предатель.

— Девочки! — кричу, напоминая о том, что нужно спасать женщин.

Не слыша ответ, я уже несусь по лестнице и натыкаюсь на

бегущих ко мне сестер. Обе в ужасе, но без истерик, что не может не вызывать уважение. Взгляд Серафимы цепляется за меня. В нем паника, но где-то под слоем страха мелькает надежда. Она смотрит на меня так, как и тогда, когда стучала в дверь ванной, прося о помощи.

– За мной, – бросаю им приказ. Они без колебаний подходят ближе и бегут вниз за мной.

Свята кидается в объятия к отцу, пытаюсь что-то сказать, но ее голос пропадает за шумом новой волны взрывов. Отец оборачивается ко мне, коротко кивает.

– Следи за Серафимой, пока я прикрываю Святу, – произносит он, но я и без этого обнимаю девушку, полностью накрывая своим телом и прижимая к себе.

Она такая теплая, но при этом дрожит. Хочется сжать ее сильнее. Так, чтобы кости трещали. Чтобы впечатать в себя.

Дом начинает постепенно разрушаться. В некоторых местах слышится треск проводки. Вся охрана занимается обезвреживанием нападавших, тогда как нас уже ждут машины у запасного выхода.

Когда мы выскакиваем наружу, я понимаю, что ноги Серафимы заплетаются, и хватаю ее на руки. Это совсем не сложно, ведь она словно вообще ничего не весит. Наклонившись, закрываю ее лицо от густого запаха дыма и от огня.

Вдалеке раздается треск горящих конструкций.

Черт возьми, они подожгли дом.

Нас окружают охранники, переговариваются жестами.

Выстрелы рвут ночь на части. Ворота дома открыты настежь, там нас ожидают машины. Тем временем огонь ползет по крыше, как адский хищник, сжирающий все на своем пути.

– В машину, быстро! – кричит Виктор. Он хватается обеих дочерей за руки и практически закидывает их внутрь. Девушки кричат, захлебываясь в кашле и страхе.

Сначала я не понимаю их волнений, ведь отхожу уже к своей машине. Но, когда на моих глазах Серафима вылетает из машины, крича «мама!», и срывается в уже полыхающий огнем дом, я испытываю такой страх, какой никогда в жизни не испытывал.

Я представляю ее хрупкое тело в огне, и мой внутренний монстр беснуется, разрывая мои внутренности в протесте, который выражается в бешеном, мгновенном рывке за ней.

– Уезжайте, они здесь из-за вас! – кричу по пути ее отцу.  
– Я верну ее.

Он сомневается всего секунду. А потом я слышу визг шин стремительно отъезжающей машины. Прямо в тот момент, когда сам прыгаю в огонь.

*<br> Дорогие, кто ещё не подписался на меня и не поставил звездочку, то можно сделать это сейчас и обрадовать автора ##### Всех люблю и обнимаю#####*

Дым режет лёгкие, огонь языками хватает воздух вокруг. Но я должен найти её! Черт возьми!

— Серафима! - кричу в пустоту, объятую пламенем.

Взрывы сотрясают землю за спиной, кто-то кричит, охранники отстреливают нападавших, а дым – густой, зловонный – ложится на лёгкие и рвёт их на части. Закрываю лицо локтем и стараюсь дышать через ткань пальто, но это слабо помогает.

— Серафима! — вижу впереди мелькнувшее за углом пятно. Но она не слышит меня. Или не хочет слышать. Бежит, ведомая яростью и отчаяньем.

В этот момент я вижу, насколько эта маленькая хрупкая девушка сильная.

Но это не умаляет желания ее защищать, наоборот, лишь злит, что до сих пор не сделал этого. И как я вообще не подумал о том, что их мать может тоже не спастись... Когда голова забита одним человеком, сложно думать рационально.

— Мама! — ее пронзительный, острый крик возвращают меня к реальности. Я ускоряюсь. Проклинаю себя. Её. Всю эту горящую и разваливающуюся к чертям крышу, под которой мы оказались.

Захожу за угол и бегу по горячей лестнице, что трещит под ногами.

Раскаленный воздух обжигает лёгкие, металлический привкус на языке уже изрядно мешает, глаза горят, каждый вдох отзывается болью в груди.

Блядь, она что, хочет сгореть?! Выбивая одну за одной двери комнат ногами, я матерюсь каждый раз, когда не вижу ее. Однако почти у самого конца наконец нахожу.

Серафима стоит в углу, плачет и что-то кричит, пытаюсь открыть дверь.

Я ухожу с линии прямого пламени и пробираюсь к ней боком, прикрывая лицо. Стекло хрустит под подошвами.

Она цепенеет, увидев меня и мой злой взгляд.

— Ты ненормальная! — резко хватаю её за плечи. Ее лицо залито слезами, губы пересохли, веки подрагивают, но её взгляд — бешеный, яростный. Она мне напоминает пламя, в котором мы находимся. Такая же неугомонная, необузданная, восхитительная.

— Она за этой дверью! — выкрикивает она. Её голос рвётся, тушится кашлем. — Нам нужно открыть...

Одним рывком выбиваю дверь ногой, закрывая ее собой от упавших на пол дощечных блоков.

Один взгляд в комнату, и я понимаю, что она пуста.

— Нет! — разрывающий пространство голос девушки полосит лезвием по моему сердцу.

У нас нет времени искать ее мать...

И я поступаю так, как все в ее семье. Не даю ей выбора. Резко хватаю её за запястье, свободной рукой подхватываю

за бедра и закидываю себе на плечо. Её крики, боль, протесты сейчас не важны.

Я решаю всё за неё. Ради неё.

Я, черт возьми, не отличаюсь ни от ее отца, ни от своего...

Возвращаться назад сложнее. Воздуха почти нет. Я задыхаюсь, но продолжаю двигаться. Я должен, чего бы мне это не стоило, вернуть ее целой и невредимой!

Перед самым выходом вижу, как дверь перекрыли объятые огнем балки.

Ставлю Серафиму на пол и берусь ладонями за горящие конструкции.

— Северин! — взвизгивает она, когда огонь переходит на моё пальто, и я начинаю гореть вместе с этим гребаным местом.

Скидываю его с себя и тушу о пол. Не давая себе времени на промедления, зверею и с грохотом откидываю балки, освобождая нам путь.

Ладони жжет так, что стреляет во всем теле. Костяшки сбиты, и кажется, словно я сейчас заживо сгорю.

Глушу агонию всеми силами. Сейчас я должен спасти ту, которая не вытерпит этой боли.

И стоит мне только представить это, как силы словно снова наполняют моё тело.

Схватив в охапку девушку, вырываюсь с ней на улицу. Полуобрушенная балка с треском рушится позади нас, и я вовремя успеваю оттолкнуть Серафиму вперёд, подставляя

свою спину.

— Господи! — кричит она, падая на колени.

Скидываю с себя балку и тяну девушку за собой.

— Бегом! Серафима, черт возьми! Вставай!

Спину жжет, но радуется одно: балка была обуглена, но не горела пламенем, из-за которого я мог запросто заживо сгореть.

На удивление, девушка бежит резво.

Мы запрыгиваем в машину, и я наконец яростно выруливаю из этого гребаного ада.

Твою мать... за эти годы столько людей меня хотели грохнуть, а я чуть не сдох в пожаре, спасая девчонку.

Но только мысль о том, что было бы, если бы я не побежал за ней, успокаивает мою боль и тушит злость...

Она была бы мертва.

*Для тех, кто ещё не знает, я активно веду инст(запрещенная в РФ сеть) и тел канал. Ariya\_gess, ну а в телеге по имени можно найти)) Всех жду ##*

## Глава 8

## Серафима

Не могу взять себя в руки. Меня трясет, внутренности горят, кашель непрерывно разрывает легкие.

Мама... мамочка.

— Северин, пожалуйста, позвони отцу, — умоляю мужчину, который только что спас мне жизнь. Черт, я видела, как он горел в этом доме!

Я видела, как его руки обжигались о горящие балки!

Зубы стучат, я не могу успокоиться. Меня лихорадит, передергивает от мысли, что случилось с ним и с мамой...

Он игнорирует мои крики.

— Пожалуйста!

Молчание давит даже больше, чем отказ.

— Ну позвони же уже! — протягиваю ладонь к его руке, но он отдергивает ее, переставляя на руль.

— Позже, — отрезает стальным тоном. — Ты не готова сейчас слышать новости. Ни плохие, ни хорошие. Тебе нужно успокоиться.

Успокоиться? Как можно успокоиться, будучи в неведении?

— Я смогу успокоиться, только когда услышу, что ее нашли и с ней все в порядке, — не прекращаю я.

Северин вздыхает и тянется к своему гаджету, но кто-то опережает его, поскольку раздается громкая мелодия звонка.

Он отвечает, а я, словно маньячка, слежу за каждым его словом. Говорит он редко, в основном слушает, и это напрягает ещё больше.

— Да. Понял. Риск? Есть зацепки? — его слова резкие, обрывистые, я их не понимаю.

Но когда он заканчивает разговор коротким:

— Хорошо. Со мной ее не тронут, — я цепенею от ужаса.

— Что это значит? — голос дрожит, я вся прижимаюсь к двери.

— Несколько дней проведёшь у меня в загородном доме. У твоего отца появились проблемы. Пока наши кланы с этим разбираются, в город тебе лучше не соваться.

— А как же Святослава? Мама? — мой голос звенит от нервов.

— Святослава с твоим отцом сейчас в самолете на полпути к Европе. Везти тебя туда сейчас опасно, за ними слежка. Нужно отсидеться и понять, кто из людей твоего отца оказался предателем.

— А мама?!

Северин лишь крепче сжимает руль, не смотря мне в глаза.

— Она у них.

— Что?! — взвизгиваю я, а слёзы градом заливают все лицо. — Отвези! — дергаю за ручку, но она лишь трещит под моим усилием. — Отвези меня к ней! Пусть тоже заберут!

— Сломаешь, будешь за неё отрабатывать, — раздражающе-спокойно говорит он, кажется, ни капли не расстроенный этой новостью.

— У тебя вообще сердце есть? Маму убьют! Убьют там! — не выдерживаю и бью кулаком о его руку.

В этот же момент ощущаю дикую простреливающую боль в запястье.

— Ай, — вскрикиваю и сгибаюсь пополам.

— Блядь! Ты вообще можешь просто сидеть и делать то, что тебе говорят!

Он увеличивает скорость и несется ещё быстрее.

— Потерпи, я не могу сейчас остановиться. Нам нужно доехать до моего дома, где мы будем в безопасности.

Держусь за руку, а сама плачу от того, что он снова игнорирует моё желание.

Как и все.

— Хватит плакать, — уже мягче начинает он. — Не тронут они твою маму. Иначе сразу убили бы. Она нужна для манипулирования твоим отцом. Обещаю, я сделаю все, чтобы помочь ее найти.

— Правда обещаешь? — всхлипываю, оглядываясь на него.

Потому что внутренне кажется, что если он обещает, то обязательно выполнит это.

— Обещаю, Серафима, — бросает на меня усталый, но какой-то заинтересованно-обреченный взгляд. — Потому что ещё несколько минут твоих рыданий, и у меня поедет крыша, отвечаю.

Фыркаю и отворачиваюсь, а на лице полуулыбка появляется.

Он спасет ее.

Он вернет мне мою маму. Я верю в это.

Спустя примерно час, мы подъезжаем к огромному, огражденному, как в тюрьмах, сеткой с высоковольтным напряжением, особняку.

Дом выглядит как картинка из книги — массивное здание, окруженное деревьями и садом. Вдалеке виднеется что-то вроде башни. Это что, охрана?

Подъехав ко входу, Северин выходит, обходит машину, а потом открывает мне дверь и протягивает большую обгоревшую ладонь.

Бросаю на него короткий взгляд, показывая, как мне жаль, что с ним это произошло, но он отводит свой и берет меня за талию, поднимая вверх и ставя на землю.

— Идём, — холодно произносит и идёт вперед.

Тянусь следом за ним через просторный холл со стенами оттенка кофе, с мягко подсвеченным приглушённым светом мимо массивной лестницы.

Везде идеальный порядок. Хотя чего ещё я ожидала от него?

— Вот здесь кухня, — показывает на вход в светлое помещение. Несмело вхожу и наблюдаю, как он достает из шкафа аптечку и ставит на стол. — Давай свою руку.

Молча подхожу ближе и протягиваю ладонь.

Он снова касается меня, будоража рецепторы. Его пальцы нежно трогают меня в районе сгиба, несильно нажимают, а затем он достает эластичный бинт и мастерски накладывает на ладонь.

— При ударе запястье на изгиб пошло, ты его потянула. Пару дней, и должно пройти, — заключает он, закончив с перевязкой.

Я в этот момент на лицо его смотрю. На длинные светлые ресницы, на четкую линию подбородка, на губы...

Он замечает мой взгляд и начинает проделывать то же самое.

Моя рука все ещё в его ладони. Он мягко перебирает мои пальцы, скрещивая со своими и поглаживая их большим пальцем. Я застываю в этом противоречивом моменте. Глаза в глаза. Голова откинута, и я вижу, как он смотрит на мою вытянутую оголенную шею...

Мне хочется сделать шаг вперёд, но я совершенно точно боюсь последствий. Это желание меня очень пугает, потому что вызвано неизвестностью. Почему меня тянет к нему? Возможно, я просто слишком благодарна за спасение? Или

потому что он первый, кто поцеловал меня? Или...

— Ты немного успокоилась? — отрывает меня от мыслей своей хрипотцой.

Киваю. Вряд ли смогу сейчас что-то сказать. Когда он так близко, так... рядом.

Слышу его тяжелое дыхание. Чувствую, как он тяжело сглатывает... Как его мощный торс поднимается вместе с плечами, а потом опускается...

— А ты нервничаешь? — вырывается у меня бесконтрольно.

— А должен?

Его рука поднимается выше, скользя по моему локтю, предплечью... и останавливаясь на шее.

Большим пальцем он очерчивает линию моего подбородка и задевает губы.

Моё дыхание учащается, а тело плавится.

Он делает шаг вперёд, и я ощущаю, как моя грудь упирается в его накаченный пресс.

Между ног горит, тело дрожит, а в голове полная каша.

Северин медленно наклоняется ко мне, и единственное, что я сейчас хочу — его губы на своих.

Еще раз... Хотя бы ещё раз.

Но именно в этот момент в моей голове возникают мысли о том, что это будет точкой невозврата. Больше не будет объективных причин этому безумию, не будет возможности договориться забыть об этом и дальше жить так, словно мы незнакомцы, не будет возможности смириться с тем, что единственный, у кого будет законное право прикасаться ко мне — его брат.

Я не выдержу этого. Не смогу.

Отворачиваю голову почти в миллиметре от его губ. Я слышу его дыхание. Чувствую кожей его негодование. Уж лучше она, чем глаза. Они этого не выдержат.

— Я очень устала, — говорю шепотом, потому что его лицо все ещё близко к моему.

В одно движение мужчина отстраняется.

— Я отведу тебя в твою комнату, — с виду совершенно спокойно говорит он. Мне даже в глаза смотреть ему не надо, чтобы понять его настроение. Одного взгляда на руку, что до белых полос на пальцах сжимает столешницу, все понятно.

А когда он все же разворачивается ко мне спиной и идёт в сторону лестницы, я выдыхаю, хватаясь за грудь. Сердце так сильно бьется, что я слышу его отголоски у себя в голове.

Спустя несколько секунд отмираю и следую за ним.

Пройдя по коридору, Северин молча открывает дверь од-

ной из комнат. Захожу внутрь и отмечаю, что там очень красиво. Минималистично, со вкусом, светло и уютно.

— Отдохни. Здесь безопасно. За пределы особняка какое-то время выходить не сможем, — говорит он, ни на секунду не отрывая от меня взгляд.

Я не понимаю его... Понятно же, что я чувствую неловкость. Не может же быть, что это происходит только у меня одной?!

— Хорошо, — присаживаюсь на кровать и утыкаюсь взглядом в светлый паркет. Слышу, как он выходит и закрывает за собой дверь, после чего откидываюсь на кровать и закрываю лицо руками.

Господи, да что же творится?!

И мысли о маме не перестают беспокоить.

Свернувшись калачиком, закрываю глаза и моментально засыпаю.

Моё сердце бешено бьётся, задавая ритм хаосу в мыслях. Нахлынувшие образы сна не дают покоя: огонь, треск падающих балок, лицо мамы, ее крик о помощи... А ещё... Северин. Его взгляд. Как он смотрел на меня в том аду. Железный, бессмертный, но при этом взволнованный...

Вижу его лицо, а потом ладони в ожогах, из которых сочится кровь.

— *Кровь на моих руках из-за тебя!* — гремит его голос в голове.

Я просыпаюсь в холодном поту. Мои конечности дрожат,

а тело походит на вату. Отвратительное ощущение головокружения и тошноты сопровождает недуги, делая букет полным и незабываемо ужасным.

Я поднимаюсь с постели и иду умываться.

Тишина в комнате начинает терзать меня. В голове рой мыслей, страхов и переживаний, что, кажется, я схожу с ума.

Решаюсь выйти на кухню и выпить травяного чая. Почему-то кажется, что в этом доме есть все...

Эхо моих босых шагов пугающе разносится по коридору. Я бегом спускаюсь по лестнице, но останавливаясь у входа на кухню. Меня внезапно привлекает звук воды. Обернувшись, замечаю прозрачные двери с выходом на веранду.

Осторожно иду в их сторону и не ощущаю холода. Хотя вижу, что дверь открыта...

И когда выхожу на веранду, понимаю, почему...

Огромный, наполненный горячей, испускающей пар в морозный воздух водой бассейн. Это место... резких перепадов температур будоражит.

Как и он...

Ночное небо обволакивает все пространство, и лишь несколько светильников, освещающих пространство и глянцевою кожу сидящего у кромки бассейна мужчины служат проводниками в этой темени.

Задерживаю взгляд на обнаженном торсе Северина... Я знала, что он огромный. И даже видела мельком вчера, но сейчас... сейчас я могу разглядеть во всей своей мощи раз-

лет его плеч, огромные бугристые накаченные мышцы, ведущие к сужению в талии.

Не замечая меня, он облокачивается на локтях назад, окуная в воду лишь ноги... А когда вижу, как он отводит назад кисти, понимаю, что он не может войти в бассейн полностью из-за ожогов.

Чувство вины накрывает с головой. Кажется, я приношу одни неприятности... Одно лишь радует: за всеми последними, нелогичными с моей стороны, решениями я ещё не растеряла чувство такта, сочувствия и, главное, искренней благодарности.

Разворачиваюсь и на носочках бегу на кухню. Подцепив аптечку, возвращаюсь обратно.

— Заботишься о других, а о себе забываешь? Очень самоотверженно, — говорю, присаживаясь рядом и опуская ноги в теплую воду. Тело сразу же отпускает дрожь, и по нему прокатывается некая легкость, удовольствие...

Северин оборачивается. Его спокойный и даже немного отстраненный взгляд сразу вливается в меня.

— Почему не спишь? — спрашивает резким тоном, почти в упрек.

— Страшно спать, — отвечаю честно. Мой голос звучит тише, чем хотелось бы. — Ужасы снятся, не могу это больше видеть.

— Тебе не стоит ничего бояться, пока ты рядом со мной, — раздается хриплое, когда я уже не ожидаю от него ответа.

Цепляя пояс на своем платье, сдерживаю колотящееся сердце. Не смотрю на него, не выдержу.

— Я... думаю, что это одна из причин, почему мне страшно... — признаюсь и зажимаюсь.

— Поэтому ты решила спуститься и сесть рядом?

Да, черт возьми, я считаю, что я полная идиотка, раз не предугадала, что жест помощи будет расценен как-то иначе...

— Ты поранился из-за меня. Я чувствую себя виной...

— Чувшь, — он резко встаёт, из-за чего на меня попадает несколько капель воды, а потом и вовсе горячие властные ладони обхватывают меня за талию и поднимают вверх.

— Что ты... — взвизгиваю, но он резко разворачивает меня и впечатывает в свое тело.

Подняв мой подбородок и задрав голову, он часто шумно дышит, выискивая что-то в моем взгляде.

— Ты словно издеваешься, — цедит сквозь стиснутые зубы. — Ходячая катастрофа. Мне что, запретить тебя в твоей комнате, чтобы ненароком не сделать того, о чем потом оба жалеть будем, — говорит, уткнувшись мне в шею и вдыхая аромат.

Я с ума схожу от его прикосновений, от его близости. Он трогает меня, дышит вместе со мной в унисон: дико, рвано, прерывисто.

— Нам нельзя это делать... — собираю остатки здравого смысла и смотрю в его глаза. — Это неправильно, — голос

дрожит как натянутая струна. Мое тело напряжено в его руках, что властно сжимают целиком мою талию.

— Что делать, Серафима? — ухмыляется мужчина, хотя сам едва сдерживает себя. Я не дурочка, вижу это.

— То, что ты делаешь сейчас... Провоцируешь и себя, и меня.

— Я? Или ты, придя сюда босиком? Черт, я вижу твои обнаженные ноги и уже хочу тебя...

Он стискивает зубы, чтобы не сказать что-то вызывающее, но я и без уточнений все понимаю.

Почему-то вещи, о которых он сейчас так спокойно говорит, не пугают меня... Хотя раньше я впала бы в дикий ужас! Возможно, это из-за того, что моё тело как раскаленный нерв, который дрожит в руках этого мужчины. Мои внутренности горят, щеки пылают, в животе словно кто-то живёт, изнутри вибрируя. Я в шоке от реакций своего тела, своего мозга, но в этот момент хочется все отключить.

— Но...

— Тшш, — перекрывает пальцем мои губы, а потом медленно ведёт по ключице, останавливаясь на лямке платья. Поддев за край, он спускает его вместе с бретелькой лифчика.

Машинально хватаюсь рукой за ткань на груди, но он отводит мою руку.

— Не бойся, — шепчет продолжая.

Переключаясь на другую сторону, проделывает то же са-

мое и с другим плечом, полностью оголяя зону декольте и плеч.

А потом наклоняет свою голову и... мое тело простреливает от длительного перенапряжения и контакта его губ с моей разгоряченной кожей плеча.

— Ты дрожишь, — усмехается гад.

— Холодно.

— Тебя не учили, что нехорошо, — низкий баритон раздается над моей головой, а потом он резко хватает меня одной рукой за ягодицы, поднимая вверх, при этом вызывая недоумение, как именно ему удастся так терпеть, скрывая боль от ожогов, а другой сжимает моё горло и яростно догваривает, — обманывать...

## Глава 9

— Отпусти меня, — хриплю прямо у его губ. Дыхание прерывистое, я словно захлебываюсь кислородом.

— Зачем ты делаешь это? Чего добиваешься? — его тон меняется, становится жестче. Дыхание рваное, походит на моё, из чего я делаю вывод, что он на грани.

— Я просто хотела помочь тебе с ладонями. Как и ты помогал мне, — еле выговариваю. — Пусти.

Хватка на моей шее ослабевает, а потом он и вовсе ставит меня на ноги, резко отворачивается и зарывается рукой в свои светлые волосы.

— Иди в свою комнату и после пяти вечера вообще не выходи оттуда, — говорит грубо, а потом широкими шагами удаляется от бассейна.

Лишь когда дверь за ним захлопывается, я выдыхаю и замечаю, что замерзаю...

Черт, конечно, замерзаю! Я же стою на ледяном кафеле зимой босыми ногами!

Уже в своей комнате, сидя на кровати, я подбираю под себя колени и, закрыв глаза, долго думаю о его поведении, о своих чувствах, которые испытываю рядом с ним, о том, что с нами всеми дальше будет...

Северин

Одному богу известно, каких усилий мне стоило поставить ее на ноги, развернуться и уйти.

Черт возьми!

Разрывающие воздух удары перчаток о грушу не помогают. Эмоции не выходят, копятя внутри, норовя взорваться с секунды на секунду.

Я дошел до того момента, когда еле сдерживаю себя. Это хуёво.

Я веду себя с ней так, будто право имею. Будто она моя.

— Она, — удар, — сука, — удар, — не моя!

Скидываю на пол перчатки, хватаю бутылку воды и залпом осушаю. Сейчас я в таком состоянии, что, кажется, готов убивать. И уж точно не спать, зная, что в соседней комнате...

Че-е-ерт возьми!

Захожу в ванную, включаю ледяной душ и несколько минут стою, стараясь отключить все мысли.

Кое-как доживаю до утра, когда мозг забивается работой.

Звонки раздаются один за другим. За ними я даже не успеваю заметить, как Серафима успевает позавтракать, оставить ещё одну тарелку с омлетом и салатом мне и снова сбежать в свою комнату.

Вчера я напугал ее, но мне нужно было так сделать. Это было сознательное решение. Иначе я потеряюсь сам. И ее

заставлю.

За весь день она так и не выходит из комнаты. На следующий день мне приходится выехать из особняка по делам, а когда я приезжаю, уже темнеет. Застаю девушку на кухне с испуганным выражением лица с тарелкой нарезанных фруктов в руках.

— Я уже ухожу, — тараторит, прикрывая кардиганом короткий топ.

Который, сука, я все равно успел заметить. Эта полоска оголенной кожи въелась мне в голову, и теперь я уже не могу видеть ее иначе.

— Стой, — хриплю, и она замирает на месте, уже стоя ко мне спиной. — Ты можешь спокойно поесть здесь. Я возьму кофе и уйду.

— Не нужно, мне...

— Сядь, — не выдерживаю, чуть повысив голос.

Она вздрагивает, разворачивается и послушно садится за стол.

Наливаю себе кофе, а сам нутром ощущаю, как пристально она смотрит мне в спину. Сам не знаю, зачем это делаю. Зачем заставляю ее сидеть рядом.

Мой телефон вибрирует и становится спасением для моей бунтующей с разумом фантазии. На мгновение опускаю взгляд, а потом включаю громкую связь и принимаюсь закатывать рукава, чтобы помыть руки.

— Здравствуй, Виктор, — кидаю взгляд на Серафиму, ко-

торая сидит, выпрямившись на стуле, и внимательно слушает.

— Добро, Север. Я благодарен тебе за спасение дочери, но теперь все решилось, я скину тебе координаты, куда ее нужно привезти.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.